

ПОЛОВИНА ЗЕМНОГО ПУТИ

р о м а н

•
Лучшие
рассказы
последнего
десятилетия!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Половина земного пути (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Литвиновы А.

Половина земного пути (сборник) / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2013

Захватывающие, оригинальные, остроумные, настоящие жемчужины жанра – все это о детективных рассказах Анны и Сергея Литвиновых. Ваши любимые авторы, как всегда, неподражаемы: самые интересные темы и актуальные проблемы нашли отражение в их коротких криминальных историях, вошедших в новый сборник «Половина земного пути»!

© Литвиновы А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Нагадали убийство	6
Леди Идеал	11
Обострение чувств	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна и Сергей Литвиновы

Половина земного пути (сборник)

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Нагадали убийство

Римке в последнее время везло на убийства. То ли она их сама своим неугомонным характером притягивала, то ли место работы – детективное агентство Паши Синичкина – сказывалось... Но обо всем по порядку.

Новогодние каникулы рыжекудрая секретарша проводила дома, в родном городе. Бой курантов, как в семье было заведено исстари, встретила с родителями. Прочие выходные проводила с друзьями и подружками, благо их на родине осталось ох как немало. Ходили на лыжах в близлежащих лесах, в кафешках часами просиживали, в баньке парились. На святки Римму и еще четверых подружек пригласила к себе в загородную избушку Эля Черногрядская.

– Гадать будем! – возбужденно предложила она. – Как раз самое подходящее время для гадания, от Рождества до Крещения... Крещенская вода с нас потом все грехи смое!

– Тебе-то зачем, Элька, гадать! – усмехнулась в ответ Римма. – У тебя муж уже есть.

– А ты думаешь, раз муж есть – значит, жизнь кончена? – парировала подруга. – И гадать больше не на кого? И желать нечего?

Девушки, старые знакомые, отправились на свой гадательный девичник вшестером. В загородный домик их отвез муж Эли Черногрядской – Иван. Разместились все в его машине – пусть стареньком и праворульном, но «Лендровере». И даже в багажник на крыше ухитрились уместить пять пар лыж – все, за исключением Римки, завтра собирались кататься.

«Лендровер» надсадно гудел, карабкаясь в гору. Домик Черногрядских располагался на высоте метров пятисот над уровнем моря. С вьющейся петлями дороги открывался чудный вид на их родной город, что располагался у подножия горы, в котловине. Иномарка старательно месила снег. На изрядно занесенном зимнике навстречу им не встретилось ни единой машины. А с неба продолжали сыпаться белые хлопья.

– Эдак я вас и забрать отсюда не смогу, – озабоченно промолвил Иван.

– Ничего, – хихикнула Эля, – до весны мы тут и без тебя проживем. Припасов хватит.

Иван Черногрядский высадил девушек у заснеженного крыльца избушки. Он даже не помог им сгрузить с крыши лыжи – не выходя из машины, уехал. От глазастой Римки не укрылось, что перспектива провести вечер в городе в одиночестве Элиного мужа явно вдохновляла. А его молодая жена, в свою очередь, вздохнула с видимым облегчением, когда супруг скрылся с глаз долой.

Для начала девочки растопили печь. Когда дрова занялись и в охотничьем домике стало ощутимо теплее, взялись за еду. Каждая из них захватила на пикник свое коронное блюдо. Римка порадовала подружек всегдашними крутонами из семги. Элька испекла пирожки с капустой. Маня по кличке Масыня представила на суд традиционный оливье с нетрадиционными наполнителями – красной икрой и раковыми шейками. Света Курочкина, оправдывая свою фамилию, выступила с цыплятами табака с изумительной хрустящей корочкой. Инга Щеколдина подошла к делу основательно и выкатила огромное блюдо холодца. И, наконец, Алена Тихорецкая, завзятая вегетарианка, порадовала собравшихся фруктовым салатом.

После обеда, сдобренного, чего греха таить, парой бутылочек горячительного, девушки приступили к гаданию. За окном стремительно темнело. Сперва отдали дань традиционным предсказаниям – на картах. В тот вечер карты явно благоволили подружкам. Ни одной они не сулили ни пустых хлопот, ни казенного дома. Дальняя дорога выпала только Римке – которой и без того завтра надобно было возвращаться в Москву. Зато в конце странствия ее ждал бубновый король, коим в итоге и должно было успокоиться сердце. «Уж не Пашка ли Синичкин, наконец, проснется?» – подумалось девушке.

Затем гадали на воске. Расплавленные нити опять рисовали всем благодные узоры: свадебную фату, ребеночка, гоночный автомобиль, пальмы...

Потом хозяйка предложила для разрядки погадать на книге. Подружки встретили Элину идею хохотом и восторгами. Гадать на книжках их научила еще в девятом классе крутая литераторша Ольга Олеговна. Со временем этот обряд прижился. За годы святочной практики подружки перепробовали множество разнообразнейших книг, от «Горя от ума» до «Комментария к Уголовному кодексу», однако установили, что самые смешные результаты дает гений Пушкин. К тому же – если предсказания не забывались, а тщательно записывались – выяснилось, что Александр Сергеевич еще и среди других авторов (не говоря уже о картах и воске) – самый проницательный. Спросила у него, к примеру, в прошлом январе Машенька, долго ли ее престарелый кот Шиллинг еще протянет. Томик «Онегина», открытый наугад, немедленно выдал ответ:

...И днем и вечером одна...

И что вы думаете? К середине апреля котик ушел на свиданку на ближайšie крыши – и не вернулся. Бедная Маня и в самом деле одна осталась.

Но ладно бы только про четвероногих! Солнце русской поэзии обычно и про парней все точно угадывало, и про работу и учебу – поэтому за нечеловеческую проницательность книжное гадание они любили. К примеру, когда Черноградская спросила на святки три года назад, выйдет ли она замуж, дивный гений ответил ей:

...Расстался с музами, женился...

И точно: тем же летом Элька выскочила замуж за Ивана Черноградского.

При том никто не вспомнил, что процитированный стих Пушкина имеет продолжение:

...В деревне, счастлив и рогат
Носил бы стеганный халат...

А это продолжение, судачили, для Эльки весьма актуально, потому как красавец Черноградский ни единой юбки, поговаривали, не пропускал.

Однако Элька, несмотря на поразительную проницательность первого поэта России, веры в него не теряла. Итак, она достала с полки затрепанный томик «Евгения Онегина».

– Ну-с, барышни, – провозгласила она. – Кто первый? Задавайте гению вопросы.

Открыть гадание вызвалась Римка.

– Скажи, о дорогой дух Александра Сергеевича, – спросила она, воздевши очи горе, – может быть, я и вправду влюблюсь в своего начальника, Пашку Синичкина?

– Давай, говори! – в азарте воскликнула Эля. – Страница, строчка?

– Пятьдесят третья страница, четвертая строка снизу, – Римма выдохнула первые цифры своего телефона. Хозяйка зашуршала листами. Девчонки затаили дыхание. Эля нашла нужную страницу, усмехнулась и зачитала вслух:

...Привычка свыше нам дана:
замена счастию она...

Все захихикали.

– Вот так, Риммочка, – прокомментировала бойкая Машенька, – ничего у тебя с твоим очаровашкой, детективным боссом не выйдет!.. А ну-ка, мне нагадай, встречу ли я молодого-красивого-богатого?.. Тридцать первая страница, десятая снизу!

Хозяйка послушно перелистала страницы и прочла:

...с ней обретут уста мои
язык Петрарки и любви...

- О! – засмеялись все наперебой. – Машенька за иностранца выйдет!..
 - По-итальянски говорить научится!..
 - Он ей сонеты будет читать!..
 - На гондоле возить!
 - А ну, мне давай! – вдохновленная успехом подруги, воскликнула вегетарианка Алена Тихорецкая. – Да не про парней!.. Скажи мне, дух Александра Сергеевича, как у меня с деньгами в этом году будет? Надоело копейки считать!.. Девятая страница, вторая строчка снизу!
- Пушкин откликнулся на зов Алены следующим стихом:

Всевышней волею Зевеса
наследник всех своих родных...

- Все захохотали, а Алена всерьез рассудила:
- Может, и впрямь мой питерский дядюшка преставится? Он у меня богатенький...
- Засим гадали и Светке Курочкиной, и Инге Щеколдиной – но у них вышло нечто невразумительное. Может, потому, что Курочкина возжелала узнать, купит ли ей папаня пусть подержанную, но иномарку, а Инга – поступит ли она, наконец, в аспирантуру.
- Нечего умничать! – закричали на них девчонки.
 - Пушкин в своем девятнадцатом веке и слов-то таких не слышал: иномарка, аспирантура!..
 - Будьте проще, и гений к вам потянется!
- Кукушка на часах с маятником прокуковала восемь раз. За окном продолжалась настоящая метель. Снежинки торкались в окно и падали ниц.
- Ну, давайте-ка, пусть Пушкин теперь мне всю правду скажет! – воскликнула хозяйка. – Что у меня с моим мужем будет, Ванечкой Черногрядским! – И сама же себе загадала страницу и строчку: – Сто сорок четвертая, четырнадцатая сверху!
- Начала листать потрепанный томик, открыла нужное место. Вчиталась – и побледнела. Вчиталась – и едва не отшвырнула книгу в сторону.
- Что там? – спросила чуткая Римка.
 - Да чепуха, вранье, – отмахнулась мгновенно расстроившаяся Эля.
 - Нет, скажи! – закричали девчонки наперебой.
 - Так нечестно!..
 - Сама про нас все узнала, а мы?
- Черногрядская нахмурилась, но все ж таки открыла «Онегина». Через силу прочла:

...под грудь он был навывлет ранен;
дымясь, из раны кровь текла...

- На последнем слове ее голос сорвался. В избушке воцарилась тишина. Света Курочкина неуверенно протянула:
- Да чепуха это все! Вранье!
 - Надо ему позвонить! – встревоженно воскликнула Эля.
- Вытащила из своей сумочки мобильник, накинула на плечи дубленку и выскочила из избы в метель. Девушки переглянулись, но ничего не сказали. Кукушка прокуковала четверть девятого.

Через две минуты Черногрядская вернулась. Она выглядела еще озабоченней. Сказала:
– Ванька не отвечает. Длинные гудки проходят, но трубку он не берет...

– Ну, мало ли... – неуверенно проговорила Курочкина. – Спать лег человек... Или хоккей смотрит...

– Мне надо вернуться в город, – безапелляционно молвила Эля. – Сердце теперь не на месте.

– Как вернуться? – воскликнула Римка. – Пятнадцать километров пути. Автобусы уже не ходят, и ни одной попутки в такую погоду не будет.

– Вот и хорошо, что не будет, – упрямо сказала Черногрядская. – Проблем меньше, приставать шоферня не станет.

– А если заблудишься? – спросила Инга. – Темнота, метель!

– Да ладно! – отмахнулась Элька. – Я здесь двадцать пять лет по окрестностям хожу, каждую кочку знаю!

– Ну, тогда и мы с тобой пойдем, – произнесла Масыня, однако голос ее звучал неуверенно. Ни ей, ни кому бы то ни было еще явно не хотелось выбираться на холод и шлепать пятнадцать километров пешком до города.

– И думать забудьте! – прикрикнула на подруг беспоконная жена. – Через два, много через три часа дойду до города. Убежусь, что с Ванькой все в порядке, и он меня назад отвезет. Почаевничайте тут пока без меня.

И Эля, не успели девушки ее задержать, выскочила за дверь. Римка, самая шустрая, кинулась за ней. Выбежала на крыльцо – но спина упрямой подружки уже исчезла за мутной пеленой метели...

...А через три часа, в начале двенадцатого ночи, рыдающая Черногрядская позвонила девчонкам и сказала, что только что добралась до дому и обнаружила своего мужа Ивана убитым. А еще через три часа – девушки сразу снялись и отправились в город – они пришли в дом убитого и услышали, как судебно-медицинский эксперт говорит одному из оперативников: «Смерть Черногрядского наступила от восьми до девяти часов вечера, ни в коем случае не позже половины десятого...»

* * *

Возвратившись в Москву в первый рабочий день нового года, Римка рассказала своему начальнику, частному детективу Паше Синичкину о святочном происшествии.

– Конечно, – сказала она, завершая повествование, – моя подруга Элька оказалась главным, если не единственным подозреваемым. У нее и мотив был (у какой жены нет причины своего супруга убить?!). Тем более что тот ей, все говорили, изменял. И гадала нам на «Онегине» именно она, и книжка ей принадлежала. И как раз она назвала роковую страницу и строчку.

– Значит, она запросто могла все подстроить... – глубокомысленно заметил Синичкин. – И Пушкин не случайно ей выдал страшное предсказание...

– Да, – закричала Римка, – но!.. Загвоздка-то заключалась в следующем. Как Черногрядская могла покончить с мужем, если судмедэксперт сказал, что он был убит в девять вечера, максимум в половине десятого – а Эля ушла из нашей сторожки в половине девятого? И метель тогда занесла дороги, ни одной машины не было... А пройти по сугробам пятнадцать километров – как минимум три часа нужно...

– Может, у твоей Эли был сообщник, который убил Ивана? Или хотя бы подвез ее на каком-нибудь вездеходе к месту убийства? – заметил Павел.

– Я тоже сначала так подумала, – кивнула Римка. – Но если был сообщник, зачем Эльке вообще понадобилось срываться в город? Сидела бы с нами, свое алиби подтверждала... Нет,

сообщник – слишком простое и не объясняющее все факты толкование... И тут... – Она сделала интригующую паузу. – Тут я как раз вспомнила один роман Агаты Кристи. Он назывался «Загадка Ситтафорда». Там была похожая ситуация: люди проводили спиритический сеанс, и дух вдруг сказал присутствующим, что убили их соседа... Помнишь?

– А я не читал, – с блистательной небрежностью откликнулся Синичкин.

– Тогда я тебе тем более расскажу, – с оттенком мстительности молвила помощница, – когда разгадку знаешь, удовольствия от детектива уже не получишь... Так вот, в романе бабушки Агаты от дома, где происходил спиритический сеанс, до того места, где жил убитый, было часа три ходу, и так же, как в нашем случае, метель мела, машины проехать не могли... Один из тех, кто гадал, обеспокоился и пошел навещать соседа... И тоже на него никто подумать не мог, что это он убил. Не мог он успеть. Ведь судмедэксперт установил: замочили человека максимум через полчаса, когда тот из особняка вышел... Но у злодея, оказывается, были припасены неподалеку лыжи, а имение (как и в нашем случае) находилось на горе, и жертва (как и у нас) проживала в долине... Убийца встал на лыжи и довольно быстро – под горку-то! – добрался до места преступления... А девушка по имени Эмили Трефусис, ведущая по своей инициативе следствие, об этом догадалась и убийцу изобличила...

– А ты? – остро глянул на секретаршу Паша. – Ты, Римка, убийцу изобличила?

– Почти, – кивнула девушка. – Я к Эльке пришла и сказала, что все знаю. И чтобы она лучше сама в милицию с повинной явилась.

– Послушалась она тебя?

– Послушалась, – кивнула Римма. – Теперь ее судить будут. Жалко, конечно... Но в деле есть смягчающие обстоятельства: муж, оказывается, не просто ей изменял, а еще и бил ее, и об этом все Элькины подружки на суде скажут, я тоже поеду...

– Все равно твоей Черногрядской светит сто пятая, часть первая. От шести до пятнадцати... – вздохнул Синичкин.

– Давай, Паша, не будем о грустном... Теперь ты видишь: преступники книжки стали читать. И методами, описанными в детективах, пользуются. Пора и тебе что-нибудь, кроме «Советского спорта», прочесть. Хотя бы ту же Кристи...

Синичкин пренебрежительно махнул рукой:

– Враки все это. Твоя Элька книжек начиталась, намудрила – поэтому ее и разоблачили. А дала бы мужу скалкой по башке, может, и обошлось: аффект, то-се...

– Ученье – вот чума; ученость вот причина, – усмехнулась Римма.

– Опять ты со своим Пушкиным, – поморщился Синичкин.

– Это не Пушкин, а Грибоедов!

– Тем более, – припечатал твердолобый Павел.

Леди Идеал

– Они сказали, что не приедут, – девушка гневно отшвырнула телефонную трубку. За окном раздавались взрывы петард и гомерический смех. В открытую форточку весело врывались снежинки. До Нового года оставался час.

– Как не приедут? Почему?

– Все машины на вызовах. А у тебя, сказали, случай не критический. Велели на такси ехать.

– Гады! Вот гады!

«Джингл бэллз, джингл бэллз» – веселились люди за окном. С детской горки с хохотом скатывались подростки, малышня висла на родителях и срочно требовала Деда Мороза, в небо рвались пробки от шампанского. Новый год наступал. Такси вряд ли проберется по улицам, запруженным людьми. Да и денег у нее ни копейки.

Девушка бессильно прилегла на кровать. До чего же больно! Бороться больше не было сил. Хотелось просто лечь – и под праздничные песни за окном умереть. Молодой, в одиночестве, бесславно.

Но умереть ей не дали.

– Ты чего разлеглась? – возмутилась подруга. – А ну, вставай! Пошли!

– Ку...да? – С трудом вымолвила она.

Говорить получалось с трудом, перед глазами летали желтые мушки, похожие на бенгальские огни.

– В любую больницу, – последовал ответ. – Тебя обязаны взять. Даже без полиса.

За окном продолжали веселиться. «Милка! Ты опять куришь?!» – возмущенно кричал мужчина. Девушка в ответ хихикала: «Так последнюю в этом году, Вась...»

Все в нетерпении ждали очередного чуда, очередных нуля часов первого января, чтобы начать новую жизнь, и пусть новый год принесет исполнение всех желаний.

А она почти не сомневалась, что оставшиеся до праздничной полуночи пятьдесят минут просто не переживет.

* * *

Лучший способ снять стресс – это сходить к косметологу. Не в обычную, конечно, парикмахерскую, где радио поет шансон и почему-то пахнет сосисками, а в дорогой салон. Здесь реанимируют после чего угодно. Отдельный кабинет, мягкая кушетка, точечный массаж, вкусно пахнущие маски, спокойная музыка, предупредительный мастер... Помогает стопроцентно.

Вот и Таня Садовникова отправилась в салон спасаться от стресса. Приехала туда в самом паршивом настроении. Пока оставляла гардеробщице шубку, пока администратор подавала ей кофе, девушка жалела, что у нее нет пистолета. На самом деле, не расслабляться сейчас хотелось, а вернуться в офис. Выхватить оружие – и всадить десяток пуль в ненавистное лицо. В нее. В предательницу. В Польшу Вершинину...

Но потом Таня улеглась на массажный стол. Вверила плечи нежным и сильным рукам мастера – косметолог всегда начинала процедуру с массажа спины. И злость начала как-то утихать, гаснуть. А уж когда пальцы мастерицы запорхали по лицу, снимая напряжение, разглаживая морщинки, Таня и вовсе подумала: «Ну, подумаешь, подвели. Сейчас время такое. Всех подставляют. Переживем».

Когда сеанс релаксации подошел к концу, Садовникова уже снова улыбалась и думала: как, оказывается, женщинам мало надо. Мужики, чтобы стресс снять, и водку пьют, и на машине гоняют с безумной скоростью, и в казино состояния спускают. А девушке, чтобы привести себя в норму, достаточно просто сходить к хорошему косметологу. Ну и потом в магазин, за обновкой. Скажем, за теми туфельками от «Феррагамо», на которые Таня давно положила глаз.

– Вам стало лучше, Татьяна Валерьевна? – заботливо спросила косметолог, куда клиентка одевалась.

– Спасибо. Как заново родилась. – Садовникова сунула мастерице изрядные чаевые.

Попрощалась. Вышла в холл. И тут же поняла, что все старания косметолога пошли прахом. Потому что скрыться от проблемы не удалось. Навстречу шагала она. Ее враг. Полина Вершинина. Ну да, как Таня могла забыть? Польша ведь тоже ходит в этот салон, один из лучших в Москве.

Лицо Татьяны закаменело. А Полина лишь снисходительно улыбнулась. Небрежно, с осознанием собственного превосходства, проворковала:

– Добрый вечер!

И двинула в косметический кабинет. Второе совпадение! Полина, оказывается, не просто в одно время с Таней в салоне оказалась, но и пришла к тому же косметологу. И теперь волшебные пальцы мастерицы будут касаться и ее плеч, разглаживать, холить ненавистное лицо.

Садовникову передернуло. Пусть ее ощущения иррациональны, но в этот салон и к этому мастеру она больше не придет. Никогда.

Таня бессильно опустилась в глубокое кресло. К ней тут же кинулась администраторша:

– Татьяна Валерьевна, желаете кофе? Или минералочки? А еще, если хотите, сейчас Лизочка свободна, новая маникюрша... – Администраторша метнула пристальный взгляд на Танины ногти, убежденно произнесла: – Френч на вашу длину будет идеально...

«Да пошла ты со своим френчем!» – едва не вырвалось у Татьяны.

Бежать. И больше сюда ни ногой.

Но то-то Польша обрадуется – что удалось выжить ее и отсюда.

«А вот фиг ей».

И Таня улыбнулась администраторше:

– Да. Я, пожалуй, сделаю французский маникюр.

– Тогда подождите буквально минуточку! – обрадовалась та. – Лиза сейчас все подготовит, а я вам пока кофейку организую, вот свежие журнальчики, пульт от телевизора, радио, чтоб вам не скучно...

– Мне не скучно, – оборвала ее Татьяна. – Я жду кофе.

Администраторша послушно скрылась в помещении кухни, и Таня на какой-то момент осталась в холле одна. Пытаясь абстрагироваться от своей ярости, посмотрела по сторонам. Все-таки до чего красиво здесь! Кожаные диваны, стильные стеклянные столики, на них – свежие цветы и аккуратная елочка – дань только что прошедшему Новому году. Слева от входа стойка администратора, сейчас пустая. И никаких кресел на виду у всех, как часто бывает в обычных парикмахерских. Здесь, в дорогом салоне, обязательна приватность. Только холл был общим, а остальные помещения изолированными: у каждого парикмахера свой кабинет, свои владения и у косметолога, и у маникюрши Лизы, и у массажиста Генриха, и у Джека, специалиста по тату с пирсингом.

Смотреть журналы не хотелось. Телевизор и радио интересовали еще меньше. Таня встала. Прошла по холлу. Зачем-то подошла к двери, за которой скрылась ненавистная Полина. Там было тихо, лишь музыка играла еле слышно: расслабляется, красавица, с чистой совестью косметические блага вкушает... Распахнуть бы сейчас дверь и размазать мерзавку по массажному столу. Фу, что за ерунда в голову лезет.

Таня отступила от двери и вдруг услышала:

– Вы чего-то хотели?

Из кабинета вышла косметолог. Заметила, видно, сквозь дверь матового стекла Танин силуэт. До чего нехорошо получилось!..

– Нет-нет, – виновато улыбнулась Садовникова. – Я просто прогуливаюсь. Из угла в угол.

– А я, пока клиентка с маской, пойду чайку выпью, – доверительно произнесла косметолог.

И скрылась в кухне. Сейчас встретит там администраторшу, начнут болтать, и кофе придется ждать до мамонтовых костей.

Таня в раздражении вернулась на диванчик. Зачем только она согласилась остаться на маникюр? Надо было бежать из салона. За туфельками. А еще лучше – за водкой. Или в казино. Или погонять с бешеной скоростью на машине. Снять стресс по-мужски. Потому что от женских способов, массажей да косметологов, эффект оказался совсем кратковременным, и сейчас Таня уже вновь кипела от злости.

Девушка не знала, что только что совершила роковую ошибку. Надо было действительно уйти из салона. Немедленно после появления в нем Полины. И уж ни в коем случае не оставаться в огромном холле одной.

Двумя месяцами ранее

То везет, то нет – так у всех. А у творческого человека особенно. Таня Садовникова работала в рекламе всю сознательную жизнь и как никто знала: когда вступаешь в счастливую полосу, удастся буквально все. Тендеры выигрываешь, заказчики довольны, подчиненные не подводят. Но только за удачным периодом всегда следует спад. И чем крупнее успех, тем мощнее потом шарахают неудачи.

Сама Татьяна к подобной полосатости жизни относилась спокойно. А вот объяснить ситуацию начальству было куда сложнее. Брюс Маккаген, их шеф, белозубый американец, проблем и неудач не переносил в принципе. Выигранный тендер воспринимал как должное, а коли получить заказчика не удавалось, расстраивался, словно ребенок. Хотя должен бы понимать, что за любой крупный заказ в рекламе борется, как минимум, пять агентств. Каждое разрабатывает концепцию, снимает деморолик. Вероятность выигрыша – в лучшем случае один к пяти. И если в прошлом месяце ты приволокла шесть тендеров подряд, то дальше столько же и проиграешь, это как минимум.

Самое мудрое, что можно сделать, – просто тихонечко переждать полосу неудач. Только переждать – это очень по-русски, а американцы действуют по-другому.

И однажды утром, в разгаре Таниной «черной полосы», шеф вызвал ее в свой кабинет и жизнерадостно бухнул:

– Вот, девочки, познакомьтесь. Татьяна Садовникова – Полина Вершинина.

Таня без особого интереса взглянула на эффектную, одетую с иголочки особу.

А Маккаген широко улыбнулся и совсем уж счастливым голосом добавил:

– Полина будет вас, Татьяна, спасать.

Таня едва не поперхнулась:

– Будет делать – что?

– Спасать, – повторил босс. И гордо, будто о собственных заслугах рассказывал, представил: – Полина в рекламе не так давно, но уже успела себя зарекомендовать. Она талантливый экаунт, у нее также есть опыт раскрутки агентств с нуля...

«Была бы реально талантливой – я бы о ней уже давно знала», – мелькнуло у Садовниковой.

Босс же тем временем продолжал:

– А еще Полина исключительно успешно справляется с любыми кризисными ситуациями.

– А где у нас кризис? – подняла бровь Садовникова.

– В вашей работе, Танечка, в вашей работе, – горестно вздохнул шеф. – Вы ведь за последний месяц ни одного тендера не выиграли.

– Зато в прошлом – шесть подряд, – пожалала плечами Татьяна.

Но получилось неудачно, потому что Маккаген тут же вскричал:

– Вот именно! Я и хочу разобраться: что вы делаете не так? Почему вам раньше везло, а сейчас преследуют неудачи? В этом нам с вами и поможет госпожа Вершинина.

– А госпожа Вершинина... – Таня намеренно обращалась не к новой знакомой, а исключительно к шефу, – кто вообще такая? Может быть, она доктор наук в области рекламы? Или дипломированный психолог? Или у нее МВА в области антикризисного управления? И сколько, кстати, тендеров выиграла *она сама*?

В их бизнесе все на виду, все громкие имена известны, а эта унылая особа, как подозревала Татьяна, слоган от заголовка не отличит – несмотря на все лестные аттестации шефа.

И тут в разговор влезла сама незваная гостья. Мягко, будто с дебильным ребенком разговаривает, обратилась к Садовниковой:

– Юпитер, ты сердисься. Значит, ты не прав. – И спокойно добавила: – Вы не волнуйтесь. Я буду вести себя чрезвычайно корректно и ни в коем случае не стану посягать на вашу свободу.

– ...Но во всех следующих ваших тендерах, – с готовностью подхватил шеф, – Полина будет принимать самое непосредственное участие. Она должна быть в курсе всего. Брифа¹, вариантов концепций...

– Спасибо, я поняла, – невежливо перебила Татьяна. – Только мне няньки не нужны, и с вашей Полиной я работать не буду. Заявление об уходе с какого числа писать?

Совсем обнаглел америкашка. Он ее что, за стажерку держит? За девочку?! Забыл, кто Каннского льва его агентству принес?!

И снова влезла Полина. И снова заговорила снисходительным тоном – прямо школу напоминает, когда ее классная журила:

– Да на что же вы обижаетесь, Танечка? Ваши права ведь никто не ущемляет, на вашей зарплате мое присутствие никак не скажется. В команде стажеры есть? Есть. Вот и считайте меня одним из них.

– Стажеры у меня за кофе бегают, – усмехнулась Татьяна. – А ваша Полина (она по-прежнему обращалась к шефу) явно командовать привыкла. Будет указывать: снимать будем на Бали, там теплее, а вот здесь лучше написать не «зеленый», а «салатный»...

И тут же нарвалась на мягкое Полинино:

– Таня, а вы всегда сразу идете на конфронтацию? И в отношениях с заказчиками – тоже?

– О да, да! – ответил за нее шеф. – Татьяна у нас Овен, огненный знак, шум, гром! Если что не по ней – так сразу и приложит!

– Давайте так. Вы про меня поговорите *без меня*, – отрезала Садовникова. И сообщила Брюсу: – А заявление об уходе я через секретаря передам.

...Однако уйти из «Ясперса» оказалось не так просто. Маккаген – хоть и прямолинейный дурак, а быстро понял, что ценного сотрудника, каковой являлась Татьяна, ему терять не с руки. И завертелось: «Да мы вас не отпустим, да все будет хорошо...» И даже зарплату прибавил, на весьма ощутимую сумму. Явно берегут, раз добавляют денег во время черной полосы.

Но Таня все равно была тверда: нянек она не потерпит и из агентства уйдет. Тем более что навела о Полине справки и выяснила: действительно, за той не случилось никаких осо-

¹ Бриф – требования заказчика к концепции его рекламы.

бых заслуг. Прежде служила эккаунтом в паре никому не известных рекламных агентств. Ни из какого особого кризиса их не выводила. И чем обольстила зубра Маккагена – решительно непонятно. То ли технологии НЛП, то ли просто отдалась. А шеф ее теперь спасительницей мира представляет.

Однако перед тем, как уволиться, Татьяна решила посоветоваться с отчимом, любимым толстяком Валерием Петровичем.

Таня выложила ему все, вплоть до того, что пожаловалась: «Полина с собой даже секретаршу привела. Такую же, как она, унылую особу».

У самой Татьяны личной секретарши не было, и, значит, по всем статьям выходило, что у выскочки Вершининой статус выше.

Однако отчим ее гнева не разделил. Подумал, пожевал губами, подымял вонючим «Опалом». А потом вдруг и выдал:

– Будешь злиться, конечно, Танюшка... но твой шеф прав.

– Что?! – опешила девушка.

– Ты действительно порох, огонь. Тебе ограничитель скорости нужен. Вдруг эта Полина как раз им и окажется? Попробуй, может, действительно сработаетесь? К тому же, говоришь, тебе и зарплату прибавили. Подумай сама: если б не ценили, денег бы не подкинули...

И Татьяна смирилась.

Первое время Полина раздражала ее ужасно. Всем. И своим вечно идеальным, отутюженным видом – даже после многих переговоров, в конце рабочего дня. И ногти у нее никогда не ломались, и лак с них не слезал. И голос вечно беспечный, нежный – такое впечатление, будто она живет в собственном тихом особняке, а не в жесткой столице. Да и вообще вся такая правильная, аж скулы сводит. Никогда ни единого жаргонного словечка. Не пьет, не курит. Успешный муж, построенная по ипотеке квартира, талантливый сын – Полина как-то сообщила, что ребенку всего шесть лет, а он уже свободно по-английски разговаривает...

Но в творческую кухню Вершинина, как и обещала, особенно не лезла. На мозговых штурмах, что проводила Танина группа, сидела тихонько, только наблюдала, прислушивалась. И если что-то подсказывала Садовниковой, делала это корректно. Всегда с глазу на глаз, в самой мягкой, чуть не просительной форме. Хоть и обидно было признавать, но иногда ее советы имели смысл. Например, однажды Полина сказала:

– Таня, вы слишком хороши, и в этом ваша проблема.

И, взмахом руки отменяя все возможные возражения, продолжила:

– Ваша реклама – она красивая, правильная, смелая... Она гениальная. А нашему народу нужно что попроще.

Таня и сама иногда думала, что многие неудачи связаны с тем, что заказчики до ее полета мысли просто не доросли. Они, косные люди, привыкли, что средства для здоровых зубов должны обязательно рекламировать красотки с ослепительными улыбками. И когда Садовникова показывала деморолик, где за тюбик зубной пасты берется огромный Годзилла, просто пугались.

Поэтому однажды Татьяна решила прислушаться к совету Полины. В агентство как раз поступил заказ на рекламу новой серии декоративной косметики. Косметика была дешевая, из тех, что только студентки да продавщицы покупают. И Таня, работая над концепцией, изо всех сил пыталась не срывать в заоблачные выси. Никакой утонченности, загадок, намеков, ускользающей красоты. Все просто и в лоб. Зубодробительное название: «Леди Идеал». Плоские, повторенные тысячу раз до нее, ходы: заурядной внешности девушка и прекрасные юноши-боги, падающие к ее ногам всякий раз после использования означенной девушкой пресловутой косметической серии...

Всю первичную концепцию Татьяна разработала сама. Корпела больше недели, и в рабочее время, и вечерами, и все выходные за компьютером просидела – шлифовала детали. Закон-

чила только к вечеру понедельника. Ближе к концу рабочего дня перечитала: примитивно до жути, но заказчик, похоже, будет в восторге. Права Полина: как раз его уровень.

Что ж, завтра можно будет показать концепцию остальным. Таня сладко потянулась и уже собралась выключить компьютер, когда в ее кабинет пожаловала Вершинина. Сейчас, когда они почти два месяца проработали в одной упряжке, Таня стала относиться к ней лучше. И чаю налила, и концепцию показала, с удовольствием выслушав восторженные похвалы.

...А едва приехала домой, свалилась. Живот крутило так, что впору на стенку лезть, и температура под тридцать девять. На следующий день пришлось остаться дома и вызвать участкового. Врачиха заявила, что у Тани типичный кишечный грипп, и дала больничный на целую неделю.

– Вы что, какой грипп? – возмутилась Татьяна. – У меня работа! Мне завтра, кровь из носу, надо в офисе быть.

– Нужно быть – будь, – пожала плечами докторица. – Только имей в виду, что кишечный грипп заразен. Весь твой офис поляжет.

Выводить из строя коллег не хотелось, и Таня послушалась, осталась дома. С удовольствием валялась в постели, пила медовые чаи, перечитывала любимых «Унесенных ветром».

А когда вышла на работу, сразу же узнала: концепция косметической линии «Леди Идеал» с восторгом принята заказчиком. Только ее автором считается вовсе не Татьяна Садовникова. Концепцию продумала, разработала и презентовала, оказывается... Полина Вершинина!

У Тани в груди будто огненный шар взорвался. Но она быстро взяла себя в руки, решив: доказать, что Полина воровка, будет легче легкого.

Однако ничего не вышло. Ведь о самой идее Таня никому, кроме Полины, не рассказывала. А текст концепции из ее компьютера таинственным образом исчез. Можно было бы экспертизу авторства заказать – только Полина тоже оказалась не дура. Переписала концепцию своими словами... Таня попыталась Маккагену пожаловаться, но тот и слушать не стал, замахал руками:

– Можно подумать, Таня, я вашей руки не знаю. У вас ведь всегда... красота, образы, высокие мысли. А тут все просто, все напрямик. Тут явно поработал человек другого склада ума.

Да еще и болезнь крайне некстати прихлослась – время оказалось упущено. Таня, впрочем, теперь не сомневалась, что никакой это был не кишечный грипп. Наверняка предусмотрительная Полина ей что-то в чай подсыпала.

И в сухом остатке вышло: триумфатор Вершинина теперь окончательно воцарилась в агентстве. Ее, вместе с личной секретаршей, переселили в начальственный пентхауз, выделили отдельный кабинет с приемной. А за ней, за Татьяной, потянулся противный шлейф – репутация неудачницы...

Немногие оставшиеся друзья, конечно же, верили Татьяне и сочувствовали ей. Но те, кто не знал подоплеки, не сомневались, что Садовникова злится на Полину вовсе не за плагиат, а потому, что у той концепции получаются успешнее.

...И вот сейчас Таня изо всех сил боролась с депрессией и никак не могла решить: стоит ли ей уйти после всего случившегося из «Ясперса» или будет разумнее остаться и вновь завоевать себе имя.

С Полиной она, естественно, теперь не здоровалась. И ненавидела ее от всей души. И – в мыслях, конечно, – много раз вызывала на голову воровки самые страшные кары.

...И сейчас, покуда ей делали французский маникюр, Таня прямо-таки физически чувствовала Полинино присутствие за стенкой, и это было ужасно неприятно.

...А когда новая маникюрша Лиза сделала ей массаж кистей и предложила опустить руки в ароматно пахнущие ванночки, тихую музыку, игравшую в салоне, вдруг разорвал крик:

– Она мертвая! Мертвая!

* * *

«Вот так и становятся алкоголиками».

Таня валялась на диване и уже битый час боролась с искушением налить себе еще. Пятьдесят граммов коньяку, конечно, ерунда, но ведь это далеко не первая порция. Сразу, как приехала домой – после милиции, изнурительного допроса, несправедливых обвинений, – махнула рюмку. А потом взгляд случайно упал на подписку о невыезде, видневшуюся из сумки, – и сразу захотелось выпить еще. А уж когда позвонил отчим и преувеличенно бодрым голосом заверил, что никаких доказательств у милицейских нет, нужно держать себя в руках и ни в коем случае не предпринимать никаких неразумных шагов, Таня и вовсе заревела в голос. И едва положила трубку – тут же налила себе очередные пятьдесят...

Ситуация действительно складывалась хуже некуда.

Полина Вершинина была убита двумя ударами ножа. Преступник оказался точен – оба из них заделали сердце и оказались смертельными. Умерла Полина мгновенно и, скорее всего, даже не успела почувствовать боли. И не поняла, что умирает. Она ведь была настроена на релакс. Удобно вытянулась на кушетке, лицо закрыто пластифицирующей маской, ухо ласкают голоса птиц из магнитофона. Никого *видеть* она не могла – на глазах лежали ватные диски. Но и когда кто-то вошел в кабинет, Полина вряд ли испугалась. Она не сомневалась, что пришла косметолог, – та ведь предупредила клиентку, что ненадолго отойдет выпить чайку и скоро вернется. И когда с Полины скинули покрывало – тоже не забеспокоилась. Ждала, видно, что ей сейчас точечный массаж сделают, шейного отдела. А получила – два удара в сердце.

А дальше убийца накрыл ее покрывалом и удалился. Оружие бросил здесь же, на кушетке, под покрывалом, у Полины в ногах. Отпечатков на ноже не обнаружилось. Никаких ворсинок, обрывков ткани, волос эксперты тоже не нашли. И пока что следствие располагало лишь показаниями косметолога. Та утверждала, что перед тем, как она ушла в кухню пить чай, клиентка была на сто процентов жива. Имелись также показания администратора: женщина сообщила, что тоже находилась в кухне, а в холле салона (только откуда и имеется доступ в косметический кабинет) в какой-то момент оставалась одна Татьяна. И каждый – по крайней мере, в рекламном агентстве, где трудилась Садовникова, – знал, что та ненавидит Полину Вершинину...

«Не волнуйся, Татьяна, – успокаивал отчим. – У нас презумпция невиновности. На одних косвенных уликах, без орудия убийства, да еще и без твоего признания, обвинение не построишь».

Пусть не построишь – все равно страшно. И на душе гадко. И дико обидно, что проклятая Полина, даже мертвая, продолжает портить ей жизнь...

Таня поднялась с дивана и все-таки налила себе еще одну рюмку. Хоть всегда и презирала подобный способ снятия стресса... Но что теперь оставалось делать? Не в косметический же салон идти! Уже побывала. Больше не хочется.

Девушка взглянула на часы: половина третьего ночи. В салон она пришла в шесть, сразу после работы. Мертвую Полину обнаружили в начале восьмого. Дальше последовали: милиция, допрос, спешный приезд Валерочки, отчим кому-то звонил, кипятился... наконец, ее выпустили. Валерий Петрович пытался уговорить падчерицу переночевать у него – Таня решительно отказалась. К маме тоже не поехала. А сейчас, в пустой квартире, накачивается коньяком. И, напроочь позабыв, что о мертвых либо хорошо, либо ничего, продолжает проклинать Полину.

Таня вновь плеснула себе янтарной жидкости. Махом выпила. Презрев правило никогда не курить в квартире, задыхалась... И в этот момент в дверь позвонили. Времени – Садовникова

автоматически взглянула на часы – два тридцать пять ночи. Девушка вздрогнула. Но все же прошла в прихожую, строго спросила:

– Кто?

И в изумлении услышала:

– Таня! Пожалуйста, открой! Это Анаит.

– Анаит?

Таня едва вспомнила, кто это.

Анаит Айрапетян, молодая, приятная армянка. Совсем недавно она работала в салоне мастером маникюра. Таня с ней вроде бы даже дружила. Хотя нет, не дружила, конечно. По деловому этикету персоналу не положено дружить с клиентами. Тут другое слово... Татьяна Анаитке сочувствовала. Та рассказала ей однажды свою историю. Родилась в Ереване, в бедной семье. Мама не работала, отец на одном месте долго не задерживался, постоянно скакал из одной фирмы в другую. А едва дочь пошла в школу, вдруг объявил: нашел, мол, хорошее место, платить будут много. Только надо перебраться из родной Армении... в Узбекистан. Мама уезжать не хотела: что, говорила, мы будем делать в чужой стране? Но муж и слушать не стал. Семейство Айрапетян переехало в Коканд. Отец действительно зарабатывал неплохо – купили квартиру, машину, путешествовали... Но, хотя и худо-бедно выучили язык, своими стать так и не смогли.

А когда Анаит заканчивала местный пединститут, родители погибли в автокатастрофе. Она осталась в чужом краю, без поддержки, без денег. Устроилась на работу – но людям интеллигентных профессий в Узбекистане платили копейки. Да еще и местные кавалеры одинокой девушке проходу не давали. Вот и решила, как многие, податься за лучшей долей в Москву и каким-то чудом умудрилась устроиться в пафосный салон красоты.

На фоне уверенных в себе парикмахеров, лауреатов всяческих конкурсов, и администраторши, свободно владеющей двумя иностранными языками, Анаит смотрелась белой вороной. Видно было, что Москва ее страшит, а увешанные бриллиантами клиентки салона и вовсе вводят в ступор. Айрапетян все время выглядела так, будто поверить не может в свое счастье: что ей позволено не только приблизиться к роскошным дамочкам, но и коснуться высочайших особ, подправить им форму ногтей, обрезать кутикулу...

Впрочем, народ к новой маникюрше шел неохотно. Иных снобов фамилия смущала, кого-то – молодость, а та же Полина, например, заявляла, что ее глаза Анаит раздражают: «Как у овцы, которую на заклание ведут».

А вот Таня всегда записывалась именно к Айрапетян. Не назло Вершининой, конечно, а совсем из других соображений. Во-первых, жалела девчонку. Знала, что взяли ее всего лишь на испытательный срок и на условиях абсолютно кабальных: клиентов привлекать самой, а восемьдесят процентов заработка (против обычных сорока) отдавать «за место и материалы». Ну и, главное, конечно, что работала та идеально. Ни разу не порезала, не ущипнула. А что глаза все время виноватые и обращается к тебе с придыханием – у каждого свои недостатки.

...Но проработала в салоне Айрапетян совсем недолго. А потом что-то случилось, и она то ли сама ушла, то ли уволили. Таня попыталась узнать подробности, но администратор лишь плечами пожала:

– Не в курсе, Татьяна Валерьевна. Но нового мастера мы уже взяли. Зовут Лиза, фамилия, к счастью, Иванова и, между прочим, лауреат всероссийского конкурса. На какое время вас записать?

И Таня, конечно, назвала время – и стала ходить к абсолютной москвичке, уверенной в себе, сверкающей дежурной улыбкой Лизе. Вечно испуганную Анаитку, правда, иногда вспоминала. И даже задавалась вопросом: как сложилась ее судьба во враждебном для нее городе? Но, конечно, никакого участия в ее жизни принимать не собиралась. И встречи с ней не искала.

Не до того. А тут вдруг: является в твой дом, глубокой ночью. Совсем не те у них были отношения. И свой адрес Таня ей никогда не давала. Они даже телефонами не обменивались...

Но не выгонять же.

Таня распахнула дверь. Анаит выглядела особенно жалко – и без того была невысокого росточка, а сейчас совсем уж скукожилась, и карие глаза, всегда глядевшие виновато, теперь смотрели просто умоляюще, и голосок дрожал, и завела с первых же слов:

– Татьяна Валерьевна, мне так неудобно...

А у Садовниковой вдруг мелькнуло: «Зато будет с кем выпить!»

Впрочем, она тут же устыдилась своих алкоголических мыслей и велела гостье:

– Проходи. Чай будешь?

– Что вы, Таня! – совсем засмушалась та. – Я к вам посреди ночи вваливаюсь, а вы мне чай предлагаете...

По-русски Анаит говорила вполне чисто, легкий, бархатный акцент лишь придавал ее речи особый шарм. Взгляд был приветливым, хотя и заискивающим. И вообще, вполне симпатичная девчонка. Но тем не менее – тут ее никто не ждал.

Таня все же налила гостье чаю, коньяк убрала на верхнюю полку кухонного шкафчика. И произнесла:

– Анаит, ты меня, конечно, извини. Но откуда ты мой адрес узнала?

Та совсем уж покраснелась, нервно затеребила ладошки (хоть и мастер маникюра, а у самой ноготки коротко стрижены и безо всякого лака):

– Таня, мне так стыдно... Я... я ваш адрес из регистрационной книги переписала, еще давно...

Обычно у клиентов адресов не спрашивают, но в том салоне обожали рассылать письма – про эксклюзивные предложения да про сезоны скидок. А иногда, что весьма приятно, к посланиям прикладывали пробники косметики. Поэтому Татьяна оставила свой адрес в регистрационной книге. Правда, вовсе не для того, чтобы его переписывали с какими-то непонятными целями сотрудники салона.

Признание маникюрши неприятно резануло Таню, и она хмуро спросила:

– А зачем тебе мой адрес?

Девушка покаянно произнесла:

– Я виновата, я знаю. Но вы просто однажды сказали, что в рекламе работаете. А я ведь мечтаю копирайтером стать. Я филологический факультет закончила, у нас в Коканде. Могу и по-армянски, и по-узбекски писать, вот! А здесь, в Москве, по-русски тренируюсь, каждый день. Уже кое-что получается. Вот и думала вам свое резюме послать... Вдруг бы вы заинтересовались.

– Вообще-то в Москве резюме давно по электронной почте рассылают, – буркнула Татьяна.

То, что кто-то (пусть и милая девочка) запросто узнал ее адрес и посреди ночи явился в гости, продолжало напрягать.

– Я знаю, – Анаит умоляюще взглянула на нее. – Но только у меня ведь все равно компьютера нет.

«А интернет-кафе на что?»

Впрочем, задавать этот вопрос Татьяна не стала. Зачем дальше третировать несчастное создание? Да и явилась девушка сейчас явно не по поводу работы.

– А чего ты пришла-то? – поинтересовалась Садовникова. – Резюме, что ли, притащила? В половине третьего ночи?

Получилось грубо, но кто сказал, что с незваными гостями, особенно явившимися на исходе ночи, нужно быть вежливой?

Но провинциалов хамством не смутишь. По крайней мере, Анаит не обиделась. Спокойно ответила:

– Нет, не резюме. Тут другое...

Вскинула на Татьяну свои огромные, вечно виноватые глазищи и прошептала:

– Я по поводу Полины.

У Тани аж горло пересохло. Она с трудом выдавила:

– А... при чем здесь Полина?

И Анаит горячо, явно выплескивая давно накопившееся, заговорила:

– А при том, что я ее тоже ненавижу! Сама бы, своими руками, на куски изрезала!

«Ерунда какая-то, – мелькнуло у Татьяны. – Она меня провоцирует, что ли?»

Но послушать-то в любом случае будет интересно.

И тогда Таня достала из посудного шкафчика только что припрятанную бутылку коньяка. Две рюмки. Плеснула в каждую граммов по пятьдесят. И произнесла:

– Ты меня заинтриговала. Давай рассказывай.

* * *

Когда Анаит три года назад приехала в Москву, начинать ей пришлось с рынка. Кто ж в офис возьмет – без гражданства и с дипломом Кокандского пединститута? А на рынке было тяжело: приходилось по двенадцать часов, в любую погоду стоять за прилавком. Ее палаточка, хотя и крытая, в жару накалялась хуже адова пекла, а в холода никакие обогреватели не спасали. Плюс частенько бывали недостачи – со словами Анаит всегда управлялась лихо, а вот с математикой не особенно дружила. Плюс хозяин со своими вечными домогательствами... И, главное, перспектив никаких. На то, что удастся устроиться по специальности в Москве, Анаит даже надеяться не смела. Кому здесь нужны рекламщики, которые по-русски пишут с ошибками?

– Можно со временем, лет через пять, палатку выкупить и на себя работать, – мечтали товарки.

Анаит же от подобных планов сразу становилось скучно. Но если не она и не рекламщик, и не торгаш, то кто? И тогда Айрапетян вспомнила, как девчонками играли в парикмахерскую. Подружки всегда брали на себя роль косметологов или сооружали друг у дружки на голове фантастические прически. Она же мечтала делать маникюр. И – на детском, конечно, уровне – у нее получалось совсем неплохо. Да и сейчас ее собственные ногти, несмотря на физическую работу, выглядят, будто она каждую неделю в салон ходит. И соседки по квартире (снимали «двушку» на четверых) постоянно у нее просят маникюр сделать...

Анаит стала узнавать и выяснила: закончить соответствующие курсы стоит не так уж дорого, с трех зарплат можно скопить. (Другие-то девчонки большую часть денег домой высылали, а ей содержать некого, родители погибли, детей не нажила.) Вот и решила. Выбрала курсы, приступила к занятиям, очень старалась, сразу же попала в число лучших, а когда закончила – тут же в парикмахерскую взяли. Конечно, в обычную, в спальном районе, но – в Москве! Нормальная, вполне престижная работа, разве сравнишь с грязным рынком?! Анаит хвалили, быстро появились свои клиенты, записываться к ней надо было за неделю, и как-то одна из дамочек предложила: не хочешь, мол, перебраться в крутой салон, у меня там подружка директор? Самый центр, мастера сплошь лауреаты, и клиенты не чета здешним: богатые теткы на «мерсах». Ну, и стоимость маникюра (а значит, и зарплата) выше в добрый десяток раз. Тут бы любая согласилась – что уж говорить о вчерашней рыночной торговке Анаит Айрапетян.

На деле, правда, все оказалось не столь радужно. Гарантированных зарплат в их профессии нет, все мастера маникюра сейчас работают за проценты. Сколько маникюров-педикюров сделал – столько и получил. А завоевать клиента в дорогом салоне оказалось куда сложнее, чем

в рядовой, на окраине столице, парикмахерской. Да и хозяйка львиную долю доходов забирала себе – вроде как за то, что Анаит занимала элитное место.

Но девушка все равно была счастлива. Потому что теперь работала в двух шагах от Кремля, общалась с узнаваемыми людьми – добрая половина посетительниц салона постоянно мелькала в телевизоре. И хоть предупреждали ее, что элитные клиенты капризны и злопамятны, но и среди них (кивок в сторону Татьяны) попадались нормальные. И поговорят по-человечески, и чаевые хорошие оставят, и к накладкам, неизбежным в любой работе, отнесутся снисходительно.

Встречались, конечно, и полные самодурши. Одна, например, – депутатская жена – обращалась к ней исключительно: «Эй ты, армяшка!» Другая опаздывала на час, а потом метала громы и молнии, что ее не обслуживают немедленно по прибытии. Но унижительная работа на рынке научила Анаит гибкости (нищие бабульки, что отоваривались в ее палатке, еще и не такие скандалы поднимали), и она со всеми гоношистыми дамочками как-то ладила.

И с Полиной Вершининой вроде бы – тоже. По крайней мере, во время маникюра они всегда любезно беседовали. Но когда клиентка уходила – на первый взгляд всем довольная (и чаевые оставила, и на прощание даже улыбнулась), – Анаит могла вызвать хозяйку и спросить:

– Ты почему людей ждать заставляешь?

– Как ждать? Кого?

И выяснялось, что Полина пожаловалась: приехала, мол, как назначено, к шести, а Анаит ее только в десять минут седьмого на маникюр позвала.

Или как-то Вершинина сама начала спрашивать: откуда ты, Анаит, где училась, есть ли муж, дети, а потом та же хозяйка ее отчитывает – чтобы не грузила клиента своими проблемами.

Анаит уже Полину и секунда в секунду за маникюрный стол сажает, и, пока работает, слова не вымолвит – но клиентка все равно в претензии. Мимоходом жалуется администратору: «Что у вас за маникюрша! Вечно молчит и волком смотрит...»

Уже и отказаться от Полины пробовала, пусть к другому мастеру ходит, но той, похоже, нравилось ее изводить. Будто специально всегда записывалась именно к Анаит. И почти каждый раз устраивала ей какую-нибудь пакость. Всегда исподтишка.

А с месяц назад (глаза Айрапетян наполнились слезами) и вовсе разразилась катастрофа.

Полина явилась на очередной маникюр сильно не в духе. И, ввиду плохого настроения, принялась жалить в открытую. Сначала обругала, что щипчики не стерилизованы (хотя те только что из автоклава). Потом не понравилось, какую Анаит форму ее ногтям придает (на самом деле, всегда одну и ту же, квадратную, как сама Полина и просила). Анаит расстроилась, разнервничалась – и, когда срезала кутикулу (Полина всегда просила делать не очень модный сейчас обрезной маникюр), поранила клиентке палец. Первый раз, кстати, в своей карьере. Даже в детстве, когда с девчонками в парикмахерскую играли, она никогда никого не резала. А тут получилось так неудачно, глубоко, сразу кровь хлынула.

Полина, конечно, скандал закатила страшнейший, хозяйка в сердцах Анаит едва не уволила: «Вечно с тобой, Айрапетян, какие-то проблемы!» Хотя проблемы скорее с Полиной, с ее дурной головой – однако подобная мысль владелице салона даже в голову не пришла... Над кровоточащим пальцем клиентки охали, промывали перекисью, мазали йодом, а когда подраненная дама уходила восвояси, Анаит за ней бежала, напоминала, что нужно обязательно промыть ранку еще раз, тем же вечером. И по новой нанести йод, поменять лейкопластырь...

Однако через два дня Полина явилась в салон с пылающими то ли от температуры, то ли от гнева щеками. Оказалось, палец у нее начал нарывать. Ну, тут совсем уж невообразимое началось, таких воплей Анаит даже на рынке не слышала:

– Элитный салон! Бешеные деньги берете! Посмотрите, что наделали!

Конечно, Анаит тут же уволили. А через неделю в ее домишко (теперь Айрапетян снимала частный домик в умирающей деревеньке вдоль Владимирского тракта) явился курьер. И вручил официальную бумагу. Отправителем была Полина. Она требовала с нее пятьсот семьдесят долларов за лечение (копии чеков из медицинских учреждений прилагались). И еще пятьсот – за моральный ущерб.

– Ну, что же за тварь! – не удержалась Татьяна.

А Анаит только вздохнула и продолжила:

– Будто чувствовала, что это – все деньги, которые у меня есть. Я их почти два года копила...

– Да с какой стати ты должна была их отдавать? – возмутилась Садовникова.

– Полина сказала, что иначе в суд подаст. И дело выиграет. И тогда мне куда больше платить придется, – грустно произнесла девушка.

– По-моему, чистой воды блеф. Совсем не факт, что она выиграла бы, – возразила Татьяна. – А уж насчет морального ущерба вообще зря надеялась. В наших судах его почти не присуждают. А если и назначат выплатить, то тысячу рублей максимум.

– Я знаю, – склонила голову Айрапетян. – Но только... в судах ведь люди сидят. Ваши. Москвичи. (На последнем слове ее голос предательски дрогнул.) А я – нацменка, как вы говорите: «Понаехали тут...» У меня не то что гражданства – даже регистрации нет. Ну, и как ты думаешь, в чью пользу суд решение примет?

– Как же тебя в салон без регистрации взяли? – изумилась Татьяна.

– Хозяйка сказала, на ее страх и риск, – вновь вздохнула девушка.

Впрочем, мелькнуло у Татьяны, хозяйка за свой риск получала немало – четыре пятых заработка сотрудницы.

– Короче, ты решила, что проще будет деньги отдать, – подвела итог Садовникова.

– Да, – кивнула Анаит.

– И что же – отдала?

– Почти, – вздохнула собеседница.

* * *

Ни домой, ни в офис Полина ее не позвала, велела привезти деньги в салон, к восьми вечера, когда она освободится после косметических процедур. Девушке возвращаться туда, где радужные надежды сменились полным крахом, хотелось меньше всего. Но только кого волновало, чего хочет Анаит Айрапетян?

Да и, по большому счету, уговаривала себя она, что страшного? Хозяйка, правда, сказала, чтоб бывшая сотрудница к салону и на километр не приближалась. Но явно ведь: угрозу произнесла в сердцах. Да и бывает начальница здесь только в первой половине дня, а сейчас вечер. Остальные же коллеги относились к Анаит пусть несколько снисходительно, но в целом неплохо. Татуировщик Джек даже уважительно именовал «самой дипломированной в мире маникюршей». С администраторшей тоже почти приятельствовали. Та, хоть и коренная россиянка, и двумя языками владеет, с родным-то не дружила. Частенько у нее срывались всякие «ехай» или «ложить». А уж когда приходилось рекламные листовки о спецпредложениях писать, то и вовсе терялась. Анаит, ежедневно тренировавшаяся писать по-русски, ей помогала, поэтому та относилась к ней со снисходительной благодарностью. А с уборщицей, веселой хохлушкой Ульянкой, они вообще почти дружили.

В общем, вполне можно даже кофе, по старой памяти, на служебной кухоньке выпить.

Однако едва Анаит вошла в салон (сумку жег конверт с тощей пачечкой долларов – всеми ее сбережениями), как увидела Татьяну Садовникову. Та была одной из ее самых любимых клиенток. Понимающая, доброжелательная, приветливая. Когда Анаит уволили, она даже

(конечно, совсем в глубине души) надеялась, что Татьяна ей позвонит. Посочувствует и скажет, допустим, что лучшего мастера в своей жизни не встречала. И станет ездить к ней, любимой маникюрше, куда угодно, хоть в окраинную парикмахерскую, хоть домой.

...Но, конечно, то были лишь мечты. Татьяна, похоже, даже не поинтересовалась, за что Анаит уволили. И не вспоминала о ней. И в тот момент, когда Айрапетян оказалась на пороге салона, Садовникова как раз направлялась в ее бывший кабинет. На маникюр. К другому мастеру, взятому на ее место.

* * *

– Я понимаю, конечно, Тань, что ты здесь совсем ни при чем, – горячо говорила Анаит, – но мне вдруг так обидно стало! Эта ваша Москва, молох, перемолола меня и выплюнула. А у вас, столичных жителей, все идет по-прежнему. Успешно. Блестяще. Гламурно.

...И такая была в ее словах горечь, что Татьяна поневоле почувствовала себя виноватой. Хотя упрекнуть ее было вроде бы не в чем: она действительно не обязана интересоваться судьбой уволенной маникюрши. И уж, тем более, уходить ради нее из приятного во всех отношениях (кроме Полины, конечно!) салона.

Анаит продолжала:

– В общем, совсем мне после этого расхотелось внутрь идти. И я решила: подожду Полину на улице. Мы договорились на восемь, я приехала в семь пятнадцать – думала, пока с девчонками на кухне посижу... Но даже если бы Полина задержалась на своих процедурах – ждать не так и долго. На улице оттепель, не холодно, да и было мне, чем заняться. Я как раз по пути «Работу и зарплату» купила. Вот и устроилась на лавочке против входа. Просматривала вакансии, подчеркивала те, для которых не нужна прописка, и то и дело поглядывала на дверь в салон... Однако прошел целый час, а Полина так и не появилась. Я совершенно не удивилась. Вполне в ее духе, да и в духе многих клиентов – прийти к косметологу, а потом остаться еще и на мелирование или, допустим, на массаж. Только уж больно холодно на улице торчать... Я ждала, ждала, а потом вдруг менты приехали, и я испугалась. Убежала. А совсем уже вечером, в половине одиннадцатого, позвонила Ульяновке, ну, уборщице нашей. Она мне все и рассказала. И про то, что Полину убили, и что тебя, – Анаит сочувственно взглянула на Таню, – в ее смерти обвиняют.

– Подожди-подожди! – перебила Айрапетян Татьяна. – Ты говоришь, что пришла в салон как раз в тот момент, когда я заходила на маникюр, верно?

– Да, – кивнула Анаит. – Ты меня просто не успела увидеть, потому что в кабинет уже почти зашла. Но я тебя узнала...

– Но в тот момент, когда я заходила на маникюр, – задумчиво произнесла Татьяна, – Полина точно была жива. А дальше ты... – Садовникова запнулась.

– А дальше я, как и сказала, ждала Полину на улице, – твердо произнесла Анаит. – А могла и зайти незамеченной в кабинет косметолога и ее убить. Ты на это намекаешь?

– Я просто интересуюсь, может ли кто-нибудь подтвердить твои слова, – пожала плечами Садовникова.

– Никто не может. И алиби у меня нет. Я, как и ты, оказалась там в самое неподходящее время. Администратор тоже против меня может свидетельствовать. Она ведь видела, как я заглянула в салон. Мы даже поздоровались, она сказала, чтоб я заходила, а я ответила, что лучше на улице подожду. Поэтому согласна с тобой, все очень подозрительно. В холле ведь в тот момент вообще никого не было. Ты ушла на маникюр, администратор пила кофе на кухне. Я вполне могла бы снова войти в салон и прикончить Полину. – Айрапетян вновь тяжело вздохнула и добавила: – По крайней мере, меня в этом подозревают.

– Откуда ты знаешь?

– А чего тут знать? – пожала плечами та. – Я в тот вечер еще долго по Москве бродила. У меня, знаешь, как странно? Вроде и не люблю этот ваш город, а когда на душе плохо, суета, огни, блеск вроде и успокаивают... В общем, вернулась на свои высылки на последней маршрутке, в половине первого. А прямо перед домом – милицмейская машина стоит. К счастью, я ее издалека увидела, и темно было, меня не заметили... Ну, тогда я на попутку – и обратно. В Москву.

Таня взглянула на часы. Ну да, Анаит как раз должно было хватить времени. Добраться из своего загорода на частнике до ее квартиры. Она перевела взгляд на девушку. Поправила:

– Однако, прошу заметить, ты сейчас приехала не просто в Москву, не куда-то, а именно ко мне. Могу я узнать – с какой стати?

Получилось жестко, но Татьяна действительно не понимала. Да, она действительно всегда сочувствовала печальной, запуганной Анаит Айрапетян. Но не до такой же степени, чтобы принимать ту глубокой ночью у себя дома. И уж тем более Таня не готова была скрывать ее от милиции.

А Анаит еще и усугубила. Пробормотала:

– Ну, я, знаешь, как думала? Вроде нас *обеих* в убийстве обвиняют. В том, чего мы не совершали. Получается, мы подруги по несчастью.

Таня молчала. Лично ей подобная подруга была абсолютно не нужна.

Анаит закончила свою мысль:

– Ведь у вас, в Москве, все связи решают. Я здесь вообще никто, а у тебя, ты однажды сама сказала, отчим – большой человек. Полковник ФСБ.

Садовникова мысленно обругала себя самыми последними словами. Ну что же у нее за характер такой! Совсем язык за зубами держать не может! Нашла перед кем хвастаться! Перед маникюршей! Вот и получай теперь.

– Ты, Анаит, забываешь одну вещь, – задумчиво произнесла Татьяна. – Это ведь *мой* отчим, и помогать он будет – мне. А ты-то здесь каким боком?

Совсем грубо вышло, но с этими провинциалами, похоже, иначе нельзя.

Ожидала в ответ слез или, по меньшей мере, мольбы, однако Анаит осталась спокойной, на удивление. Пожала плечами и с достоинством произнесла:

– А я и не прошу, чтобы *мне* помогли. Просто у меня информация есть по убийству... Как вы, москвичи, говорите, абсолютный эксклюзив. И, чтобы ею распорядиться, нужен ум. И осторожность. И возможности немалые. Вот я и вспомнила про твоего отчима. А заодно, решила, и тебе помогу...

– И сколько ты хочешь за свою информацию? – подняла бровь Татьяна.

– Ты не поняла, – покачала головой Анаит и отчего-то взглянула на Садовникова с сожалением. – Я вовсе не собираюсь эту информацию продавать. Я просто хотела отдать ее в руки... серьезным и доброжелательным людям. Доброжелательным, в том числе, по отношению ко мне.

– Интересный ты человек, Анаит! – попыталась разрядить обстановку Садовникова.

– И чем же? – улыбнулась в ответ Айрапетян.

– Ну, хотя бы тем, что маникюрши так не говорят.

– А я по основной профессии не маникюрша, а филолог, – напомнила девушка. – У меня образование высшее. – И быстро сориентировалась: – Поэтому... Насчет моей информации... Если она поможет, ты меня, вместо платы, в свое агентство возьмешь. Хотя бы волонтером, без зарплаты.

На бесплатное волонтерство в наше меркантильное время желающих почти нет, поэтому Татьяна с легкостью пообещала:

– Договорились. Ну, выкладывай свой эксклюзив.

– Сейчас.

Анаит вышла в коридор, где оставила сумочку. Внесла ее в кухню. Расстегнула «молнию» – и триумфально выложила на стол целлофановый пакет. В нем лежало что-то грязно-бурое. Таня потянулась открыть.

– Нет-нет, ни в коем случае! – остановила ее Анаит.

Танина рука замерла. А Анаит попросила:

– Слушай, а можно еще коньячку?

«Да ты вполне освоилась в моей квартире!» – досадливо подумала Садовникова. Однако коньяку налила.

* * *

На самом деле, пока Анаит ждала на улице Полину, случилось еще кое-что.

Салон красоты располагался совсем рядом с метро «Третьяковская», во дворе дома, в выведенной из жилого фонда квартире с отдельным входом. Место, конечно, модное, почти рядом с Кремлем, однако домишко весь облупленный. А лавочка, на которой коротала время Анаит, и вовсе дико неудобная, колченогая. Анаит честно пыталась искать вакансии в «Работе и зарплате», но сидеть было жестко, сразу же затекла спина, да и все-таки зима на улице, прохладно. Поэтому она то и дело вставала размяться, прогуливалась по двору.

Девушка как раз отошла метров на десять от входа, когда услышала: дверь салона хлопнула. Анаит обернулась на звук: неужели Полина? Однако то была совершенно незнакомая женщина. И из салона она не выходила, а, наоборот, входила внутрь. Причем появилась не с улицы, откуда все, а из глубины двора. «Клиентка, наверно, – мелькнуло у Анаит. – Поставила машину где-то во дворах, оттуда и идет. В Москве ведь с парковкой проблемы...»

Анаит обрадовалась. Хотя и понимала, что встреча с Полиной неизбежна, но интуитивно хотела ее оттянуть. Проводила незнакомку глазами и вновь уткнулась в журнал вакансий. Но просидела над ним от силы десять минут, когда дверь салона вновь хлопнула. Вот интересно, отметила Анаит: та же высокая худая женщина. Но когда это клиентки заходили в салон всего лишь на несколько минут? И почему у незнакомки такое перевернутое лицо и губы трясутся?.. И по двору женщина кинулась чуть не бегом.

Повинуясь какому-то инстинкту, Анаит поспешила за ней. Дамочка действительно спешила к своей машине. То был несолидный, по меркам серьезных людей, «Гетц». Анаит проводила смешной автомобильчик взглядом, зачем-то запомнила номер... а потом увидела кое-что еще. Рядом с местом, где только что стояла машина, валялось что-то красное.

Анаит приблизилась к предмету, подняла – и вздрогнула. Это была обычная одноразовая салфетка. Только пропитанная кровью.

Анаит опешила, инстинктивно отшвырнула страшную находку... И в этот момент услышала вой милицейских сирен.

К салону на полной скорости подлетела машина с мигалкой. Из нее выскочили люди в форме...

Анаит вновь подняла салфетку – и бросилась прочь.

* * *

...Имелось у Татьяны огромное искушение: самой найти женщину, о которой рассказала Анаит. Явно отыскать будет легко: пробить по гаишной базе данные «Гетца», узнать адрес, нагрянуть домой, продемонстрировать злополучную салфетку, пригрозить... Но девушка вспомнила слово, данное отчиму («Сидеть тихо, никуда не лезть!»), и от искушения удержалась. К тому же, несмотря на складный рассказ Анаит, Таня не до конца верила маникюруше.

Ведь вполне могло быть, что Полину убила именно она, а загадочную женщину на «Гетце» выдумала, чтобы отвести от себя подозрения.

Однако, когда на следующий день отчим пригласил Таню на обед, он сказал:

– И эту девочку, Анаит, с собой приводи.

Из чего Таня сделала вывод, что маникюрша, скорее всего, невиновна.

И вот теперь обе сидели в крошечной квартирке отчима. Только что был съеден борщ, и баварские колбаски в горчичном соусе, и яблочный штрудель. (Анаит, хотя и худышка, кушала больше всех – видно, на питании экономила, а тут кормили бесплатно.)

А едва покончили с едой, Валерий Петрович закурил неизменный «Опал» и произнес:

– Я нашел вашу даму. Это сестра Полины. Ее зовут Яна.

Анаит ахнула, прикрыла рот ладошкой. Таня пробормотала:

– Сестра? Но у Полины не было никакой сестры... По крайней мере, она про нее никогда не говорила.

Полковник Ходасевич кивнул:

– А это потому, что они не общались. За последние десять лет даже не созванивались ни разу. И только недавно...

* * *

... Яна возненавидела Полинку сразу, едва та появилась. Самой Яне тогда была три года, ну а сестрицу только что привезли из роддома. В честь маминого возвращения устроили праздник, к родителям пришли гости, все пили шампанское, ели торт и без конца фотографировали розовый сверток. Яна же выждала, покуда восторги вокруг новорожденной несколько поутихнут. Убедилась, что крошка крепко спит в детской. И попыталась выбросить пищащий «подарочек» из кровати. А вовремя подоспевшая мама (самая любимая! раньше на Яну никогда даже не кричавшая!) дико рассердилась и отшлепала старшую дочку...

И с тех пор ее жизнь разительно изменилась. Прежде ведь именно она, Яна, была самой умной, самой красивой. Теперь же на тот пьедестал, где раньше царила старшая дочь, возвели младшую сестренку. Ею постоянно восторгались: ах, Полиночка улыбнулась, ой, какой Полиночка замечательный пузырь пустила да как Полиночка смешно губками шлепает. Яне же постоянно внушали, что она теперь старшая, должна подавать пример, кушать сама, одеваться сама, не плакать, не капризничать. Но только как не капризничать – ведь все прежние детские страхи в один день никуда не денутся. Как боялась Янка бабы-яги и теней за ночным окном, так и по-прежнему боится. Да еще и новые опасения прибавились: что мама с папой заберут свою ненаглядную Полину и уедут далеко-далеко. А ее, Яну, оставят одну в квартире. А что, вполне могут. Полинка – она ведь такая идеальная, не то что старшая сестра. Родители постоянно, Яна подслушивала, про младшую говорили: «Золотая девочка! Засыпает легко, не капризничает, не плачет. А кушает как хорошо! Не то, что Янка в ее возрасте...»

И Яне от таких слов хотелось выкинуть Полину не то что из кровати, а прямо из окна. Однако приходилось притворяться. Яна добросовестно выполняла мамины просьбы: учила сестричку садиться на горшок, разглядывать картинки в книжке, собирать пирамидку. Катала ее в коляске и даже рассказывала сказки на ночь. И все время, каждую минуту, надеялась, что сейчас, вот сейчас, мама подойдет не к Полине, а к ней. Обнимет. Приласкает. Скажет «спасибо».

Мама, конечно, ласкала ее. И у постели сидела, когда Яна болела, и подарки на день рождения покупала хорошие. Но больше любила – Полину, и ошибиться здесь было невозможно.

Еще, как назло, в сестрице как-то счастливо гены сложились. И характер оказался спокойный, никогда никаких проблем не создавала. Да еще и куча талантов. Отдали на хореографию – буквально через месяц Полина уже танцует сольные партии. И в музыкалке всегда

отчетные концерты закрывала, что только самым лучшим ученикам поручали. И в школе – почти сплошные «пятерки». Никакого сравнения со старшей сестрой. У Яны-то, как у всех обычных людей, есть успехи, но и проблем немало. То удача, все хвалят: на соревнованиях по акробатике второе место по району заняла. А через неделю баловались с девчонками, лазили по брускам и нечаянно одну из юных спортсменок столкнули. Та упала, сломала руку, перелом оказался сложный, родители подняли скандал... и Яну, главную зачинщицу баловства, из секции выгнали. Несмотря на все спортивные заслуги. Да и в школе у нее только по любимому рисованию «пятерки» были, а остальные предметы еле на «четверочки» вытягивала.

«Полина – наша гордость», – не скрывали родители.

А она, Яна, – так, второй сорт.

И, едва закончив школу, Яна поспешила уйти из дома. Благо, у приятеля еще по детской изостудии родители уехали по контракту за границу, он обрелся один в квартире, и ему требовалась, как он говорил, хозяйка. И пусть хозяйничать в огромной, постоянно кишасей гостями, квартире было совсем непросто, да и денег вечно не было, – зато больше никто не приводил в пример идеальную Полину.

Янина жизнь и дальше шла, будто американские горки. То крутейший подъем – персональная выставка, журналисты, восторженные отзывы на центральных телеканалах в прайм-тайм. А то вдруг творческий кризис, когда и не рисуется, и не живет... Друг детства давно женился, из огромной квартиры Яну попросил, но ей и в голову не пришло вернуться домой. Знакомых, к счастью, много, и если собственное жилье есть не у всех, то мансарды-мастерские – почти у каждого. А Яна для себя решила твердо: лучше уж на раскладушке, на холодном чердаке, чем в теплой домашней постели – но в тени сестрицыной славы.

Тем более что родители и не пытались вернуть ее. Позванивали, небольшими деньгами снабжали – на этом забота и заканчивалась. Но даже при таком шапочном общении до Яны доходили отголоски Полининых успехов: та окончила школу, разумеется, с золотой медалью. Блестяще, с одними пятерками, поступила в институт. На четвертом курсе (как и положено приличным девочкам) вышла замуж – разумеется, за такого же, как и сама, перспективного юношу. А едва защитив диплом, собралась рожать. Все по графику, все, как у людей. Аж слушать тошно. Янка, хоть и на три года старше, о замужестве и тем более о детях даже не думала. Зачем такая обуза? Вот когда-нибудь, когда ее картины потрясут мир и она дико прославится, – тогда можно будет.

Однако слава обрушиваться на нее не спешила. Какие-то работы хвалили, некоторые – успешно продавались. Но к тридцати годам только и добилась, что торгаши на Крымском валу стабильно покупали картины, однако больше пятисот баксов за полотно не давали. А в месяц одинаковых, какие на рынке в моде, работ нарисуешь от силы пару, да и то, если кураж есть. Так что денег всегда был лишь прожиточный минимум: не умереть с голоду, нормально выглядеть, ездить на простецкой машинке да покупать хорошие кисти с красками. А вот приобрести собственное жилье – извините.

И потому Яна пришла просто в дикий восторг, когда вдруг выяснилось: совсем дальняя родственница (ее девочки и видели от силы пару раз) завещала им, сестрам, квартиру. Крошечную, однушку – но зато в самом центре, на Кропоткинской, как раз возле всех художественных тусовок.

Полина с мужем к тому времени уже купили по ипотеке добротную «трешку», и потому Яна очень надеялась, что неожиданное наследство отойдет ей одной. Даже позвонила младшей сестрице и униженно попросила:

– Полин... А можно, я пока в этой квартире поживу?

– Ее, между прочим, сдавать можно, – отрезала сестра. – За немалые деньги.

– Я понимаю, что можно, – вздохнула Яна. – Но мне ведь жить негде.

– Да ладно, негде! Возвращайся к родителям, – хмыкнула та.

Как будто не понимает, что Яне, с ее образом жизни, сигаретами, красным вином и иногда «травкой» совершенно нечего делать в добропорядочной родительской квартире.

Но все же сестра милостиво разрешила – пользуйся пока что. И Яна с восторгом принялась обживать новое жилище – первое свое собственное! Влезла в долги, сделала очень красивый, авангардный ремонт. Заплатила немалые деньги, чтобы протянуть в квартиру телефон (хоть и самый центр, а телефонной линии здесь прежде не было). Впервые почувствовала вкус к оседлой и гармоничной, без вечных гостей и бардака, жизни. Даже в ее картинах с появлением новой квартиры прибавилось упорядоченности и строгости.

Но на днях ей позвонила Полина. И огорошила:

– Все, конец твоей вольнице. Я риелтора наняла. Завтра твою квартиру смотреть придут.

– Кто придет? Зачем? – не поняла сестра.

– Ну, как – кто? – терпеливо объяснила та. – Покупатель. Мы с мужем надумали дачей обзаводиться. Нам деньги нужны. Моей половины, за эту квартиру, как раз должно хватить.

– Но...

– Послушай, Яна, – саркастически произнесла сестра. – Эта квартира принадлежит в равной степени тебе – и мне. Ты пожила в свое удовольствие – и будет. Все должно быть почетному. Впрочем, если не хочешь продавать – отдай мне мою половину ее цены. Риелтор сказал, это будет...

...И Полина назвала такую сумму, что старшей сестре оставалось лишь ахнуть. Подобных денег ей не раздобыть никогда – даже если она вдруг продаст все свои картины. И все задумки по поводу будущих картин. И все свои мозги вообще.

* * *

– Итак, Полина была в своем праве, и квартиру на «Кропоткинской» продали, – закончил свой рассказ полковник. – Это случилось две недели назад. А в тот день, когда вы, Анаит, – вежливый кивок, – Яну видели, она должна была передать своей сестре ключи. Но...

– Вместо этого – она ее убила! – выкрикнула Татьяна.

Полковник еле уловимо усмехнулся:

– Возможно. Однако Яна в убийстве не призналась. Она стоит на своем: что пришла, как и договаривались с Полиной, в салон. Зашла в кабинет косметолога. Швырнула ключи на стол и наговорила сестре немало нелицеприятных вещей. И, лишь выплеснув все, задумалась: а почему Полина молчит? Неужели такая особая издевка? Сорвала с нее покрывало. И обнаружила, что грудь сестры в крови и та мертва. Отсюда, – быстрый взгляд на Анаит, – взялись и окровавленная салфетка, и нервная, как вы видели, походка. Однако Яна утверждает: она не убивала, – она появилась в кабинете после убийства.

– И ты ей веришь? – скривила губы Татьяна.

Полковник спокойно ответил:

– Ей сложно поверить. Ведь в вашем салоне, в холле, оказывается, имелась видеокамера. Правда, записи почему-то просмотрели не сразу, а только сегодня утром. И они неопровержимо свидетельствуют: после того, как косметолог ушла пить чай, Яна была единственной, кто заходил в кабинет. Единственной. – Он выразительно взглянул на падчерицу.

«Значит, все обвинения с меня сняты», – мелькнуло у Татьяны.

Но радости все равно не было. Она никогда не видела Полину сестру Яну, но отчего-то заочно жалела ее. И с трудом верила, что творческий человек, художница, может стать убийцей, причем пойти на такое страшное преступление всего лишь из-за квартиры. Как пошло!

Да и еще что-то ее тревожило. Щемило. Жало.

Наверно, то, что вина старшей сестры слишком уж бросалась в глаза. Та и в кабинет косметолога зашла – под прицелом камер. И окровавленную салфетку выбросила всего в квартале от места убийства...

Татьяна задумалась. Полковник молча курил, сизый дым кольцами поднимался к потолку. Анаит переводила взгляд с толстяка на Таню, с Тани на толстяка, – но благоразумно молчала.

Садовникова же неуверенно произнесла:

– Слушай... А тебе не кажется странным, что как-то слишком гладко получается? Яна будто специально сделала все, чтобы ее нашли. Зачем?

– Тебе кажется странным только это? – цепко взглянул на нее полковник.

– Нет, – задумчиво сказала Таня. – Скорее другое. Что все – все мы! – оказались в салоне ровно в то время, когда Полину убили. Смотри: я пришла – и столкнулась с ней. И Анаит она велела прийти именно в салон. И сестру туда же позвала. И при этом мы все трое имели основания ее ненавидеть. И дружно оказались на месте ее убийства. Неужели случайно?

Ходасевич широко улыбнулся и произнес, обращаясь к падчерице:

– Правильно мыслишь.

А Таня, вдохновленная его поддержкой, забормотала:

– Значит, так... На самом деле, я в тот день к косметологу идти не собиралась. Но мне позвонила Валентина, секретарша Полины (с ней мы в нормальных отношениях, она в тот же салон ходит), и сказала, что время пропадает, а со следующей недели мастер в отпуск уходит, и потом к ней месяц не попадешь, а у меня как раз настроение было на нуле, вот я и решила себя побаловать...

И Таня обратилась к Анаит:

– Слушай, а тебе кто велел в салон прийти, принести деньги? Полина?

– Нет, не Полина, – растерянно пробормотала маникюрша. – Мне звонила ее секретарь Валентина Георгиевна. – Татьяна переглянулась с полковником. – И сказала, что сегодня у меня последний шанс, чтобы решить дело миром. А иначе завтра Полина в суд подает.

Таня взглянула на отчима, протянула:

– Интере-есно... А как бы узнать, кто Полинину сестру в тот день в салон пригласил?

– Я это узнал, – усмехнулся полковник. – Ей тоже назначила день, час и место Валентина, Полинин личный секретарь.

* * *

«Ты не хотела его – вот и получи», – пульсировало в мозгу.

Она действительно не хотела этого ребенка, и бог ее наказал.

Все объективно, объяснимо, и ты решительно ни в чем не виновата. Любая бы задумалась: ни квартиры, ни прописки, ни работы, ни мужа... Умные в такой ситуации от беременности избавляются сразу. А Валя все на что-то надеялась. Что как-то наладится, что, раз уж дал бог зайчика, даст и лужайку. Или что Миха, отец малыша, одумается...

Но чуда не случилось. Она так и осталась совсем одна. Без денег. Без перспектив. Без прописки. Без медицинского полиса. И сейчас, когда подступал новый год, а за окнами без усталости рвались петарды, к ней даже «Скорая» отказывалась ехать. А шапочная знакомая, на которую Валя свалилась со своими проблемами, откровенно злилась. Той хотелось шампанского, праздника, она быстро устала от благотворительности, ее совсем не интересовали чужая кровь и боль. И чужой ребенок.

Она помогла Валентине накинуть пальтишко и потащила ее сквозь хмельную уличную толпу прочь. Куда угодно. Лишь бы уйти подальше от собственной квартиры с уютно мерцающей елкой.

– Отведи меня... до любого роддома, – хрипела Валя.

Боль скручивала пополам, перед глазами метались желтые всполохи, взрывы петард нестерпимо отдавались в измученном теле.

– А я знаю, где тут роддомы? – растерянно бормотала подруга.

– Ну, или брось меня. Уходи. Будь что будет. – Валентине уже действительно было все равно. Лечь в пушистый, щедро припорошивший улицы снежок и просто умереть.

– Нет, подожди... Точно! Я вспомнила! Западный медицинский центр, отсюда в квартале!..

Валя, хотя и чувствовала себя почти мертвой, нашла силы улыбнуться:

– Ты... смеешься? Это ведь коммерческая фирма! А меня даже в обычные больницы без полиса не берут!

– Обязаны взять! – отрезала подруга. – Там тоже врачи. Они все клятву Гиппократа давали!

Подхватила изнемогающую Валентину под руку и с новыми силами поволокла по праздничной улице. Валю шатало, прохожие с любопытством смотрели им вслед. Какой-то парнишка весело прокомментировал: «Девчонки уже набрались!»

Охранник в Западном медицинском центре оказался соотечественником. Он даже на порог их не пустил:

– Вы что, спятили? У нас здесь только по контрактам!

Но, по счастью, шумом на крыльце заинтересовался дежурный врач. Едва взглянув на смертельно бледную Валентину, рывкнул на охранника:

– Ты что, совсем варвар? Носилки!..

А уже через десять минут Валя проваливалась в забытье. И, отдаваясь на волю спасительных волн наркоза, слышала, как где-то в ординаторской телевизор транслирует триумфальный бой курантов.

...В себя она пришла уже первого января. Крошечная, очень чистая, палата, в окно рвется веселый солнечный свет, и почти никакой боли, лишь слегка потягивало живот. И еще очень тихо кругом.

Валя попыталась вскочить, голова закружилась, она застонала, в палату тут же вошел врач. Лицо у него было усталое, а глаза красные.

– Что? Что со мной? – потребовала она. – Я родила?

– Вам сделали кесарево сечение, – склонил голову доктор. – Все прошло хорошо.

Валя просветленно взглянула на него:

– А... где малыш?

И глаза доктора тут же метнулись к переносице.

– А малыш... вашего сына мы, к сожалению, спасти не смогли. Множественные пороки развития... несовместимые с жизнью...

И белый снег за окном тут же взорвался ярко-багровым пламенем.

Это бог ее наказал. За то, что она не хотела этого маленького человечка.

* * *

Валентина Георгиевна Майко работала на Полину уже третий год. Сначала устроилась к ней секретарем в маленькое рекламное агентство, потом Полину позвали в структуру посерьезней, а дальше и вовсе в престижный «Ясперс» – и верная секретарша всюду следовала за патронессой.

Иных точек соприкосновения, кроме совместной работы, у женщин не было. И познакомились они, судя по всему, лишь на собеседовании, когда Полина решала, брать Валентину на работу или не брать. Взяла – и, похоже, не прогадала, потому что женщины понимали друг

друга с полуслова. Валентина Георгиевна планировала все встречи Полины, печатала ее документы, готовила проекты договоров и частенько давала ценные советы. По всему выходило: они просто начальник – и подчиненная, а за рамками офиса почти не общаются. Семьями не дружат (да и нет у Валентины Георгиевны никакой семьи), по кафешкам, как часто подруги делают, вместе не расхаживают.

Зацепиться было не за что. До тех пор, пока Валерий Петрович не пробил, на всякий случай, обеих, по базам данных пациентов московских клиник. И компьютер очень быстро выдал совпадение: шесть лет назад обе в одно и то же время находились в Западном медицинском центре. Полина Вершинина родила здесь сына. А ребенок Валентины умер во время родов.

* * *

Валерий Петрович, Татьяна и Анаит находились в квартире секретарши. Жилье, явно съемное, оказалось совсем неухоженным, пахло пылью и сигаретным дымом.

Валентина, кажется, их ждала. Дверь открыла после первого же звонка, и в ее взгляде почему-то промелькнуло облегчение. Она вежливо пригласила гостей пройти в гостиную и, пока те рассаживались, еле слышно пробормотала:

– Ну, вот и все.

Женское чутье подсказало Тане: секретарша признается. Она даже рада, что наконец пришло время признаться, сбросить бремя с плеч. И та, не дожидаясь вопросов, заговорила:

– Что вы хотите узнать?

«Зачем ты нас всех в салон созвала? – едва не вырвалось у Татьяны. – Анаитку, Яну, меня?!»

Однако девушка решила промолчать. Ходасевич же задумчиво произнес:

– Мы хотим узнать о том, что случилось в Западном медицинском центре. Шесть лет назад. Вы ведь именно за это мстите Полине, верно?

Таня восхитилась: отчиму удалось так уверенно сказать, будто он и правда был в курсе.

И блеф сработал. Потому что Валентина Георгиевна повесила голову и пробормотала:

– Кто вам сказал?..

И, не дожидаясь ответа, тихо добавила:

– Хотя, какая разница... Я надеюсь только на одно. Что вы поймете, за что я так ненавидела Полину...

Валентина нервно затянулась сигаретой и задумчиво произнесла:

– Мой сын умер при родах. А как вы думаете, каково это – когда твой ребенок умирает?

Вопрос явно был риторическим, гости молчали, а женщина горячо продолжила:

– И совсем неважно, нужен был тебе этот ребенок или нет... Я на тот момент абсолютно нищей была: ни кола ни двора. Казалось бы, даже на руку. Забудь – и живи новой жизнью. Ищи работу, ищи мужа, заводи с ним новых детей... Но только мне каждую ночь снился мой погибший сын. – Она затушила сигарету и тут же закурила новую. Судорожно сглотнула: – Я ведь заставила их. Они мне его показали. Такой крошечный, беззащитный. И беленький, словно ангелочек. Лежит, ручки разбросал, будто уснул...

Она сделала три затяжки подряд, с отвращением затушила сигарету, вскочила, нервно прошлась по комнате. Бессильно опустилась на диван.

– Я ничего не могла с собой поделать. Я вбила себе в голову, я не сомневалась: я виновата в смерти моего ребенка. Он умер лишь потому, считала я, что я его не хотела, боялась, что он свяжет меня по рукам и ногам. И это чувство вины осталось со мной навсегда. Вся моя дальнейшая жизнь, успехи, радости – все теперь было не по-настоящему. Потому что я помнила, всегда помнила ту новогоднюю ночь. И детские глазки, которые закрылись... Потому что я не хотела, чтобы они смотрели на свет!

Валентина всхлипнула, закрыла лицо руками, помолчала. А когда заговорила снова, ее голос был сух:

– Но только никого не интересовало, что происходит в моей душе, и надо было жить дальше. Я изо всех сил старалась забыть о своей вине, о смерти сына. Нагрузить себя как можно больше. Чтобы только не думать об этом. Две работы, языковые курсы, курсы секретарей, а еще раз в неделю волонтером в больнице, где лежали детки-отказники. Я ухаживала за ними, улыбалась им, укачивала, играла... А когда ловила их робкие улыбки в ответ, каждый раз надеялась, что мой погибший малыш меня простил. Время шло, боль притупилась. Я устроилась секретарем в крупную компанию, сняла квартиру, пошла учиться в автошколу. А однажды, когда в очередной раз возилась с малышами в детской больнице, – ее голос снова дрогнул, – ко мне подошла одна из сестричек. И сказала, что ей нужно со мной серьезно поговорить. «Пойдем, покурим», – предложила я. «Нет, не здесь!» – испугалась та. Я дождалась конца ее дежурства, мы вместе вышли из больницы, и она мне сказала, сказала... – на глазах Валентины выступили слезы, – что мой сын, оказывается, жив!

– Как? – выдохнула Татьяна.

И даже бесстрастный Валерий Петрович не удержался – судорожно сглотнул.

– Он жив, абсолютно здоров и уже, оказывается, пошел в детский сад, – сухим голосом повторила Валентина.

– Ничего не понимаю... – пробормотала Таня.

А Валентина жестко добавила:

– Только его мамой считаюсь вовсе не я. А Полина Алексеевна Вершинина.

...И дальше жизнь Валентины снова изменилась.

И снова она не знала, как ей жить дальше.

Медсестричка, что выдала ей врачебную тайну, клялась: она все знает совершенно точно. В ту новогоднюю ночь в Западном медицинском центре дежурили две бригады. В каждой врач, акушерка и медсестра. Их команда, незадолго до боя курантов, приняла роды у пациентки Вершининой. Все прошло крайне неудачно, ребенок родился в асфиксии, с тройным обвитием пуповины. Они пытались реанимировать малыша, но тщетно. И именно ей, медсестричке, выпала тяжкая обязанность сказать Полине, что спасти ребенка не удалось.

«Но уже когда я шла в палату, – рассказывала медсестра, – меня вдруг нагоняет доктор. И говорит: «Отбой!» Я, конечно, ничего не понимаю: «Как? Почему?» Они, может, и хотели скрыть – но как, я ведь полностью в теме. Вот и признались. Что сразу после Нового года вторая бригада сделала кесарево бесплатной пациентке, какой-то тетке с улицы. Чуть не бомжихе, но ведь когда с сильными схватками, то отказать даже коммерческий центр не имеет права... И ребенок той не нужен абсолютно, а Полина рыдает, говорит, что не может уйти из роддома без ребенка, а ее муж, разумеется, готов компенсировать все расходы.

– Тебя просто купили! – ахнула тогда Валя.

– Купили, – не стала спорить медсестра. – Но я заходила в твою палату. Разговаривала с тобой, ставила тебе какой-то укол. Я бы тебе сказала, я очень хотела тебе сказать. Но ты, мне показалось, совсем и не переживала. Рассказывала, что новую жизнь решила начать, на курсы секретарей пойдешь... А Полина так радовалась сыну, так его обнимала, так ласкала! И тогда я решила, что все справедливо. А сейчас... – медсестричка вздохнула. – В общем, ушла я из этого медицинского центра. Устроилась сюда, в больницу. И тебя, когда ты волонтером пришла, сразу узнала. Давно за тобой наблюдаю, вижу, какая у тебя боль в глазах. Только теперь поняла, что не имела я тогда права их покрывать. Но что сделано – то сделано. Я тебе все рассказала, просто камень с души. А ты теперь поступай как хочешь. Решешь судиться с Полиной, забрать ребенка себе – я готова все подтвердить.

И перед Валею встал выбор. Потребовать экспертизы ДНК, затеять громкий процесс, отобрать ребенка, огорошить, что его родители – не родные. Это будет по меньшей мере

жестоко. Тем более что мужа у нее по-прежнему нет, и на работе она пропадает сутками – стоит ли вырывать мальчика из привычной обстановки, селить в съемную квартиру (своей не было и пока не предвиделось), бросать на попечение равнодушных нянь?

Она решила в любом случае не спешить. Сначала познакомиться с Полиной, присмотреться к ней. Понять, что та за человек. И, если вдруг она окажется достойной матерью, может быть, действительно все забыть. Оставить у нее своего сына. А самой только издали наблюдать за ним. И убеждаться, что у ее кровиночки все хорошо.

– Тут моя профессия очень на руку оказалась, – рассказывала Валентина. – Хорошие секретари – они ведь на вес золота. А у меня к тому времени уже квалификация была высочайшая. Печатаю – триста ударов в минуту, свободный английский, да и общаться я всегда умела. Полина на тот момент работала исполнительным директором в небольшом рекламном агентстве. Секретаря они не искали, но я все равно решила рискнуть. Отправила свое резюме, зарплату попросила смешную. Они клюнули, пригласили на собеседование, а на нем я уж все сделала, чтобы понравиться Полине. Меня взяли в штат – и с тех пор с Полиной мы не расставались. Я, без преувеличения, ее правой рукой стала. И в доме бывала, они меня изредка приглашали. И каких только сил мне стоило не прижимать ее – моего! – сына к груди, а всего лишь играть с ним в машинки... Очень скоро я поняла, что за человек Полина. На первый взгляд – мягкий, сладкий, добрый, понимающий. С ней уютно, ей хочется доверять. Но, едва ты расслабишься, она тут же ударит тебя из-за угла... Полина ведь долго ко мне присматривалась, а когда решила, что может на меня положиться, уже ничего не скрывала, ни одной своей подлости. Я и про то знаю, как она тебя, Таня, подставила. И твою, Анаит, историю. И как она со своей сестрой обошлась... И до этого много всего было... Вот и накипело, наконец. И я решила – отомстить Полине за себя. И за всех тех, кого она в своей жизни уничтожила.

– Ничего себе: отомстить! Скорее нас всех подставить! – гневно выкрикнула Татьяна.

– Да, – не стала отпираться Валентина, – со стороны выглядит, что я вас подставила. Но я надеялась, что в милиции, в конце концов, разберутся...

– Ни на что ты не надеялась, – презрительно бросила Татьяна. – Ты просто себя из-под подозрения выводила.

Валентина Георгиевна с вызовом взглянула на Садовникову и произнесла:

– В любом случае, оправдываться перед тобой я не буду.

– Конечно, ты нас подставила! – повторила Татьяна. – Специально так подстроила, что мы, все трое, во время убийства в салоне оказались!

– Хочешь – считай так. Но подумай: я ведь Полину не просто убила. Я ее – уничтожила. Вместе со всей ее распрекраснейшей репутацией. Теперь все знают, что она была за человек, только об этом и говорят. В «Ясперс» из милиции приходили, твоими, Таня, мотивами интересовались, подробно расспрашивали про ту Полину подставу. И про то, как она деньги у тебя, Анаит, вымогала – последние деньги! – тоже теперь все известно. И как Полина сестру из дома вышвырнула, люди опять же знают. Поэтому нет больше замечательного человека и специалиста Полины Вершининой, а есть... Есть просто сволочь. Мертвая, правда.

– Спасибо, конечно, Валя, за твою справедливость, – пробормотала Татьяна, – но только меня, твоими стараниями, едва в убийстве не обвинили. И Анаит – тоже. И Яну.

И натолкнулась на царственное:

– Я приношу тебе свои извинения. Врать не буду: мне действительно хотелось остаться вне подозрений. Кому охота в тюрьму? Но раз уж не вышло – скрываться я не собираюсь. Пожалуйста. Звоните. Вызывайте милицию. Рассказывайте. Я, чего хотела, добилась. Полина – мертва. И главное – от ее репутации остались одни лохмотья.

– А сын? – тихо произнесла Таня.

– А что сын... – горько вздохнула женщина. – Останется с отцом.

– Расскажите, как вам удалось незамеченной проникнуть в кабинет косметолога? – бросил отчим. – Ведь на видеопленке вас не было...

– На видеопленке *того дня*, когда произошло убийство, – нет, – усмехнулась секретарша. – Потому что я специально взяла отгул – и пришла в салон накануне. К Генриху, на массаж, на последнее возможное время, на двадцать один час. Уже почти никого не было, ни клиентов, ни мастеров, администраторша тоже домой собиралась, поэтому ничего не стоило незамеченной пробраться в кабинет косметолога. А к нему, вы, наверно, не знаете, еще одна комнатка примыкает, крошечная, в ней коробки и всякий хлам, никто туда и не заходит никогда. Я провела в ней не самые, конечно, счастливые сутки в жизни – но дело того стоило. А уж когда я поняла, что мой план полностью получился, меня и вовсе такой восторг охватил!.. Я ведь все очень точно рассчитала. Убила Полину буквально за две минуты до того, как в кабинет ее сестра вошла. И слышала, как Яна ее прокликает... – Женщина едва ли не с гордостью взглянула на гостей. – Не зря секретарем работаю, умею планировать.

Таню передернуло. Ходасевич же спокойно спросил:

– Как вошли в комнату – я понял. А как вам удалось *выйти*?

– Еще проще, – усмехнулась Валентина Георгиевна. – В каморке, где я пряталась, есть окошко. Вполне нормальных размеров. И выходит оно в глухой тупик. Так что я с удовольствием послушала, как Яна осыпает свою сестру проклятиями... А потом – спокойно покинула салон.

Таня и Валерий Петрович молчали. У Тани в голове билось: «А ведь мне совсем плевать на Полину! А вот эту женщину я понимаю...»

И тут вдруг Анаит тихонько произнесла:

– Валентина Георгиевна... А что вы Полине перед смертью сказали? Вы объяснили, за что ее убиваете?

– Да, – кивнула секретарша. – Я сказала ей, что знаю: она украла чужого ребенка. А Полина ответила: ты, мол, меня не шантажируй. Все равно ничего не докажешь. Ну, я и не стала доказывать. Просто размахнулась – и ударила.

Секретарша закурила новую сигарету и с вызовом обратилась к своим гостям:

– Ну, так чего мы ждем? Я во всем призналась. Звоните. Вызывайте ментов.

– Я этого делать не буду, – пожала плечами Таня.

– И я не буду, – согласилась Анаит.

А Валерий Петрович лишь еле уловимо дернул плечом и произнес:

– Мы не смеем вас судить, Валентина. Мы просто – как та медсестра в роддоме – пока что промолчим. А что будет дальше – дело вашей совести. Мужчине я в таком случае протянул бы пистолет с одним патроном.

Обострение чувств

– На тебя объявили большую охоту.

– Что?!

– Я говорю, Полуянов: на тебя получен заказ. Быстрее надо соображать при твоей-то профессии.

– Слушай, майор, ты звонишь мне в два часа ночи, будишь... Ты можешь толком рассказать, что происходит? Хотя бы по порядку?

– По порядку? – Майор Савельев хмыкнул. – По порядку не получится, потому что порядка нет, а имеется только один-единственный факт, полученный из оперативного источника... Источник, скажу сразу, весьма надежный, раньше никогда меня не обманывал... И факт этот гласит: тебя заказали. Причем некая криминальная группа уже приступила к отработке заказа. Охраны тебе никто не даст, поэтому советую: бери ноги в руки и немедленно сматывайся из Москвы. Желательно куда-нибудь в другое полушарие.

– Но кто меня заказал? И за что?

– И на первый, и на второй вопрос ответ одинаковый: я не знаю.

– Послушай, майор, а ты меня ни с кем не путаешь? Я ведь не политик, не бизнесмен, не чиновник. Я простой журналист. Работник умственного труда. За что меня-то заказывать?

– Ну, допустим, кому-нибудь ты в своих статьях хвост прищемил или компромат на кого-то накопил...

– Да ни на кого я ничего не копал! – вскричал Полуянов. – Мы сейчас сплошняком о партии и правительстве пишем.

– Н-да? Ну, тебе видней. Да, и еще... Той же организованной группе товарищей заказали еще одного человечка. В связи с тобой или нет, но, по-моему, она – твоя знакомая. Сейчас скажу, как звать... – Майор Савельев на другом конце линии связи пошуршал бумажками. – Вот, нашел. Величать ее Татьяной Садовниковой.

– Господи... – прошептал Дима. – А она-то здесь как?

– То, что я тебе сообщаю об этом, конечно, против правил, но мне легче взыскание за разглашение получить, чем потом двойное заказное убийство расследовать... Поэтому мой тебе настоятельный совет: бери в охапку свою подружку Садовникову, и валите вы как можно скорее и как можно дальше – до тех пор, пока я вам не протрублю отбой...

С первых же слов этого ночного разговора Полуянов выскользнул из постели и удрал на кухню – чтобы не потревожить спящую Надю. Но бесполезно – вскоре она появилась: растрепанная, в пижамке и дико встревоженная.

Когда журналист нажал отбой, она тихо спросила:

– Дима, что случилось?

– Ничего! – отвечал Полуянов неласково. – Иди спи.

– Дима, кто звонил? Что происходит? – настаивала возлюбленная.

– Ничего не происходит. Просто мне надо срочно уехать. По работе, – соврал он и отправился в гостиную собирать свою любимую командировочную сумку. Хотел втихаря взять из сейфа пистолет, но не удалось – Надя пришла в комнату и стояла над душой немым укором.

– Пойди поставь мне чайник, – приказал он.

Но от Нади не так-то легко было отделаться. От любящих женщин вообще отделяться бывает сложнее всего – это журналист за свою жизнь уже хорошо понял. Ну, ей же хуже. Полуянов прямо на глазах подруги сунул за пояс боевой «макаров» – подарок друзей-эфэсбэшников.

Надя настойчиво спросила:

– Скажи мне: что произошло и куда ты едешь?

– В Инту я еду, – буркнул Полуянов. – В Сыктывкар. В Надым. Выбери что хочешь.

– Что случилось, Дима? – снова, как попугай, повторила Надя.

– Ничего! – проговорил, закипая, молодой человек. – Кроме одного: я, если ты помнишь, работаю спецкором отдела расследований, и меня могут выдернуть в командировку в любую минуту!

Он бросил в сумку пару свитеров и все чистые на данный момент рубашки: предостережение прозвучало серьезно, и бог его знает, сколько времени (и где) ему придется скрываться. Буркнул на Надю, совершенно несправедливо:

– Чем лезть в мои рабочие дела, лучше б рубашки мне стирала. Совершенно нечего надеть!

Девушка немедленно стала оправдываться:

– Но ведь у тебя же три чистые есть и глаженные. Я как раз сегодня хотела постирать...

Дима уже покончил со сборами – журналисту, а в прошлом десантнику не привыкать собираться по тревоге. Напоследок сунул в сумку ноутбук и поспешил в прихожую.

В глазах у Нади закипали слезы. Когда Полуянов уже открывал дверь, она прошептала:

– Дима, скажи... Здесь замешана женщина?

Журналист свирепо глянул на нее и в сердцах выкрикнул:

– Да ты просто дура! – и шваркнул входной дверью, оставив в прихожей плачущую Надю.

Позже он не раз вспомнит свои слова.

Разных, ох разных персонажей можно встретить на московских улицах, в кафе, кинотеатрах и других увеселительных заведениях! Особенно в три часа ночи. Никто уже ничему и не удивляется. Тем более что парочка, засевшая за дальним столиком круглосуточного фастфуда на Ленинградке, внешне особо ничем не выделялась. Ну, едут друзья (или любовники, или сослуживцы) домой после корпоратива (или вечеринки, или аврала на работе) да завернули перекусить. Обоим чуть за тридцать, парень высокий, статный, красивый, и его спутница очень даже ничего – натуральная блондинка с длинными ногами и смазливый личиком, на котором выделялись умные глаза. Одеты небрежно, но зато в модные шмотки. Словом, типичные представители зарождающегося российского upper middle class.

Правда, дотошный наблюдатель заметил бы в парочке одну странность: девушка была совсем не накрашена, а молодой человек даже и не причесан, будто оба только-только выпрыгнули из постели и успели лишь наспех одеться. И гораздо более удивительным показался бы стороннему свидетелю разговор, что вели между собой эти двое:

– Дима, а ты думаешь, что нас действительно хотят убить?

– Да, Таня, да. Мой источник служит в органах давно, ко мне относится хорошо, он не станет шутить или дергать меня понапрасну.

– Господи, но ты – и вдруг я. Какая связь? Да мы с тобой, по-моему, уже сто лет вообще не виделись!

– Год и три.

– Что – год и три?

– Мы не виделись один год, три месяца и четыре дня.

– Ты помнишь так точно? – Татьяна округлила глаза.

– Естественно, – хмыкнул парень и пропел: – «Я помню все твои трещинки...»

– А ты все такой же!

– Какой?

– Жуир и бонвиван.

– Кто-кто?

– Не прикидывайся, что не понял. Журналист все-таки.

– Да, я простой российский журналюга, поэтому мой словарный запас – тридцать семь слов, не считая матерных.

– Бабник. Это слово ты знаешь?

– Спорить не буду. Хотя вот уже три года живу с одной-единственной особой. И налево – ни-ни.

– Трудно поверить.

– Чем обсуждать мой моральный облик, давай лучше подумаем, что нам делать. У тебя открыта шенгенская виза?

– Открыта, – кивнула Таня. И добавила с неожиданной жесткостью: – Но бежать из страны я никуда не собираюсь.

Твердость давней подруги оказалась по сердцу Полуянову, и он спросил:

– А что собираешься?

– Как – что? – мило улыбнулась девушка. – Бороться.

Три часа спустя, когда рассвет уже нехотя светлил восток, а весенние птицы пока неуверенно, но начинали свой щебет, Димина «Мазда» въезжала в ворота дачи в Абрамцеве.

Здесь головокружительно пахло пробуждающейся землей. В густом утреннем тумане едва был виден дом. Бетонные дорожки уже высохли, но на влажной земле еще там и сям лежали пласты нерастаявшего снега.

Дача принадлежала полковнику Ходасевичу, Таниному отчиму. «Даже если нас там найдут, – заявила Садовникова, когда друзья размышляли, где им укрыться, – мы всегда сможем отбиться».

По дороге они закупили продуктов в круглосуточном супермаркете, ведь неизвестно, сколько дней придется сидеть в убежище. Пока ехали, обсуждали, кто и почему мог желать им смерти – им обоим. В том, что заказали одновременно и Таню, и Диму, крылась главная странность. У них не было ни общих интересов, ни общего бизнеса. Они не делили друг с другом ни кров, ни постель (единственный раз больше десяти лет назад – не в счет).

– Если мы пойдем, за что нас хотят убить, – только тогда и разгадаем, кто этого хочет, – задумчиво произнесла Таня.

– Обратное утверждение также верно, – откликнулся вечный насмешник Дима. – Определим кто – узнаем за что.

Он не отрывал глаз от дороги. На вечно загруженном Ярославском шоссе сейчас, перед рассветом, можно было пронестись с ветерком, и журналист не преминул воспользоваться этой возможностью: стрелка спидометра плясала в районе ста пятидесяти километров в час.

– Ты не гони давай, а то киллеров без работы оставишь, – слегка сварливо заметила Садовникова. Однако ей и самой нравилась быстрая езда, как нравилось все рискованное.

Полуянов хохотнул, показывая, что оценил шутку, и предложил:

– А давай устроим... этот... как его звать по-русски... В общем, «брейн-сторм».

– Мозговой шторм?

– Во-во. Принимаются любые идеи, даже самые фантастические. И критиковать их запрещено.

Тане предложение спутника понравилось.

– О'кей. Начали?

– Насколько я понимаю, – глубокомысленно заметил Дима, – убийства совершаются, во-первых, из-за денег, во-вторых, из ревности и, в-третьих, из чувства мести. Ну, бывают еще, как пишут в протоколах, из личных неприязненных отношений – это когда по пьянке бьют сковородкой по голове. Но последнее явно не наш случай...

– Давай не отвлекаться.

– Давай друг друга не критиковать. Мы ж договорились! Может быть, дело в деньгах? – предположил журналист. – Ты только не обижайся, но... Кто наследует в случае твоей смерти?

– Мама. И еще отчим, Валерий Петрович. Я на него на всякий случай завещание оставила. А то ведь со мной, при моем рисковом характере, всякое может случиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.